

ЕВГЕНИЙ КРИВЕНКО

В ЗЕМЛЯХ ЗАКАТА

ИЗБРАННИКИ АРМАГЕДДОНА I

Евгений Кривенко

В землях заката.

Избранники Армагеддона I

<https://litres.ru/73731176>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первый роман цикла: любовь на руинах мира. После войны, вызванной испытаниями того, что казалось новым оружием, "черного света", США и Россия сильно разрушены. Герой романа случайно попадает в Америку на истребитель-бомбардировщике «Су-34». Случайно становится обладателем секрета «чёрного света», за которым охотятся китайские и американские спецслужбы. Только случайно ли все это? Кто стоял за разрушительной войной, и кто ведет человечество к Армагеддону? Что за новые зловещие силы пришли в мир?.. Но это роман не о геополитике, а скорее о любви. Герой влюбляется в молодую американку, Джанет, отношения складываются непросто, однако в итоге они женятся. Теперь за ними начинается охота, и молодой паре приходится бежать, уже из Америки. Где они найдут убежище? И сможет ли любовь изменить судьбы мира?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Евгений Кривенко

В землях заката.

Избранники Армагеддона I

Глава

Фантастический роман. Альтернативная история будущего¹

Пролог

К этому времени они миновали бывший штат Висконсин и углубились на Территорию Мин-Айоу. Привыкли к виду мертвых городов и лишь старались проезжать их быстрее.

Остались позади пустынные берега Миссисипи, остались

¹ Что такое "альтернативная история будущего"? Речь не о политических альтернативах в духе "альтернативной истории", а о более глобальных вещах. Весь 20-й век цивилизация катилась по наезженным рельсам технологического развития, и к концу столетия столкнулась с нарастающим комом проблем, решить которые едва ли возможно. Но есть занятная особенность у истории - в критические моменты будто кто-то дает человечеству пинок под зад, к сожалению порой очень болезненный, появляются новые возможности, и развитие со скрежетом сползает в другую колею. Тоже не слишком комфортную, но с неким просветом впереди. Как это может выглядеть и как сложатся судьбы людей, которые попадут в этот излом истории? Что получилось, сам оценил бы на троечку.

позади сверкающие огнями Города-Близнецы. О тех, кто еще оставался позади, Варламов старался не думать. В любой момент из поземки могли вынырнуть белые призраки. Он почти не спал эту ночь, и от шума шин стали слипаться глаза. Решив не рисковать, остановил машину на обочине. Глянул на спящую рядом Джанет, уронил голову на руль.

И увидел сон...

Этот город остался на другом краю мира, и Варламов не бывал там, но сразу узнал: справа угрюмо краснеют стены Кремля, а слева в сумраке блестит купол храма Христа Спасителя. Набережная пуста, гранитные ступени ведут к реке. В темной воде змеится красный огонь – над городом восходит солнце.

Варламова пронизала дрожь.

Воздух замерцал, и возник человек в темной одежде, с ножнами на золотом поясе. Следом явилась женщина в зеленом одеянии, с красной розой в обнаженной руке. Варламов содрогнулся, так прекрасно и холодно было ее лицо. Третьим материализовался некто в синем плаще, со смуглым, будто обожженным лицом. Стало жутко: глаза были не человеческие, а змеиные – с вертикальным черным зрачком.

Но это же сон! И надеясь, что сейчас проснется, Варламов заговорил:

– Кто вы? Есть ли кто живой в городе?

Он не ждал ответа, но получил его.

– Город пуст, – голос женщины был как свист пурги. – От

гибели его сохранила воля Владык.

– Кто вы? – голос Варламова дрожал.

Ответил третий, в синем плаще, и слова секли как бич:

– Нам велено прийти в последние годы этого мира. Кто ты, что явился на поле брани?

– Какой брани? – Варламова пронизывал ледяной озноб.

– Если мы вступим в бой, этот мир рассыплется в субатомную пыль, – зловеще улыбнулся тот, кто с мечом. – Поэтому будет, как написано, и не так. Двенадцать людей вступит в сражение с одной стороны, и столько же с другой. Сторону ты выбрал сам.

Голос Варламова сорвался:

– Но я не хочу! Я хочу быть с Джанет...

– Тогда ты умрешь, – словно плюнул темноликий. – Белые призраки следуют по пятам. Но если не настигнут, мы снова встретимся здесь, на берегу мертвой реки...

Варламов проснулся, голова болела. Тупо посмотрел на падающий снег, вот и еще один непонятный сон. Потянулся к кнопке зажигания, глянул на Джанет – та продолжала безмятежно спать – и тронул машину. Вскоре и Джанет зашевелилась, спустила ноги с сиденья и сладко зевнула.

– Слава богу, это большая машина, – молвила она, глядя на мелькающие деревья. – Иначе мы сошли бы с ума от тесноты.

Она достала термос и налила чашку. Салон наполнился чудесным ароматом настоящего кофе, и когда успела о нем

позаботиться?

– Пей, милый. Это сколько же я проспала?

Не сбавляя скорости, Варламов взял одной рукой чашку и стал прихлебывать. Он не отрывал глаз от дороги. Это была хорошая дорога: ни разрушенных мостов, ни поваленных поперек деревьев. Но и встречных машин почему-то не было.

После кофе перестала болеть голова. Варламов отдал чашку:

– Спасибо.

Джанет налила кофе и себе, потом убрала термос.

– За кофе спасибо дяде!

Некоторое время она смотрела на белый пейзаж, а потом повернулась к Варламову. Лицо утратило мертвенную бледность, что напугала его в ночь бегства. За три дня пути оно посвежело. Рыжеватые волосы обрели прежний блеск, кудри рассыпались по спинке сиденья. Зрачки зеленоватых глаз расширились.

– Юджин, расскажи еще раз, как ты нашел меня. Как оказался здесь.

Варламов смутился: не мог привыкнуть, с какой любовью смотрит на него Джанет.

– А знаешь, – сказал он неловко. – Ведь мы едем в сторону России. Почти тем же путем, что я прилетел когда-то. С каждым часом всё ближе мой город.

Джанет встряхнула кудрями и рассмеялась:

– Ну да! Только все дороги кончатся гораздо раньше. Ты же мне рассказывал. Дальше идут тундры Лабрадора и ледяные моря, за ними снега Гренландии. Потом Атлантический океан, и только затем Европа. А там еще надо пересечь Тёмную зону. До твоего города не добраться, Юджин, разве что на самолете. Странное у него название. Повтори его еще раз.

– Кандаля, – с улыбкой выговорил Варламов название родного города. И продолжал по-английски: – Это совсем не плохой город, Джанет, хотя и бедный. В тот день я и не думал, что оставлю его...

1. Беглец

Варламов подогнал уазик к дому и вышел размяться. Сразу пришлось поднять воротник, с заснеженных сопок дул ледяной ветер. Вскоре на крыльце появился отец в рыбацкой куртке и резиновых сапогах, а за ним еще двое – гости из столицы Автономии. Гости отчаянно зевали.

– Пошевеливайся! – бросил отец, и стал вытаскивать рюкзаки, набитые рыбацким снаряжением и бутылками. Варламов уложил рюкзаки в машину и сел за руль. Гости влезли назад, дыша водочным перегаром, отец грузно сел рядом. Марьяна в нарядной кофте появилась на крыльце, зыркнула на Варламова и заулыбалась гостям.

– Счастливой дороженьки, дорогие, – нараспев сказала она. – Ни пуха вам, ни пера!

– К черту, – сипло отозвался отец. И кивнул Варламову: – Трогай!

Гости захрапели, пока Варламов еще вел уазик по улицам города. Миновали порт, где несмотря на ранний час кипела работа: лязгало железо, поворачивались стрелы подъемных кранов. За портом дорога пересекла бурную реку и стала подниматься в гору. На душе полегчало: сосны и голубой простор моря развеяли тоску, которую наводил набитый женщинами и детьми дом градоначальника. После смерти матери Варламов ютился там на птичьих правах, как-то попросил отца выделить ему комнату из запасного фонда, но тот отказался.

«Держит при себе как мальчика на побегушках?» – с досадой думал он.

С натужным гудением машина поднялась на перевал. Варламов глянул вправо, на поросший березняком склон сопки, и улыбнулся: сюда ездил с Ирмой за грибами. Напросились две девчонки из колледжа, и против ожидания отец разрешил взять уазик. Одна в последний момент отказалась, и поехали вдвоем. Набрав подосиновиков (они краснели чуть не под каждой березкой), прилегли отдохнуть в прогретой солнцем ложине. Ирма была симпатичной, даже целовались как-то на вечеринке, так что придвинулся к ней по мягкому ягелю и приобнял. Ирма отодвигаться не стала, против поцелуев тоже не возражала. Окрыленный, Варламов забрался под свитер и потискал маленькие груди – Ирма задышала чаще, однако на большее не согласилась.

Все равно было приятно: податливое женское тело, губы

Ирмы, ласковый шепот березок над головой. Лежали долго, и у Варламова от напряжения заболело в паху, но до секса тогда не дошло. Лишь позже, в городе, хотя это случалось редко: слишком много любопытных глаз и негде уединиться. Ирма каждый раз спрашивала: когда они поженятся, и не выделит ли им отец Варламова отдельную квартиру? Особой пылкости не выказывала, допускала в себя только с презервативом, и секс скорее терпела. Но не отказывалась, и наверное в самом деле на ней женится, только колледж закончит...

Дорога пошла вниз. Вдали белели сопки, ровно гудел недавно починенный мотор, и настроение улучшилось – и от воспоминания об Ирме, и от предвкушения отдыха: впереди ждала река и бьющаяся на леске рыба.

Через полчаса он помрачнел и сбавил скорость: из мелко-лесья желтой змеей выскользнула насыпь железной дороги. Поговаривали, что по ней можно дойти до странного места – заброшенного рудника, куда в прошлую войну был нанесен ядерный удар. Хотя те немногие, кто видел рудник, клялись, что постройки остались целы и невредимы. Почему бомбили не военный аэродром неподалеку, а никому не нужный рудник?

Под «кирпичом» у поворота к базе Варламов затормозил. Дорога шла дальше, но была заброшена – вилась между холмов и пропадала у синего моря. Невеселой была эта синева, солнце не бросало туда ни единой искры. Когда-то там был город и база подводных лодок, а теперь раскинулась Тёмная

зона – царство вечного сумрака, где среди уродливых деревьев скользили хищные твари.

Холод струйкой протек по спине. Варламов повернул направо.

Их ждали. Солдатик в будке нажал кнопку, свежавыкрашенные зеленые ворота отъехали, и уазик покатил к неказистому дому. Основные сооружения были скрыты под землей. Возле дома крутил лопастями вертолет. Варламов остановил машину и растолкал отца. Тот недовольно замычал, но проснулся и стал будить гостей.

Из домика появились двое. Невысокий генерал шагал размашисто, ординарец еле тащил за ним два необъятных рюкзака. Начались объятия и хлопанье по спинам, а затем компания направилась в дом – перекусить, чем Бог послал, как радушно объявил генерал. Варламов стал перетаскивать рюкзаки в вертолет. Потом отогнал машину, положил руки на руль и уткнулся в них лицом. Как надоела эта жизнь на побегушках! Захотелось подальше от людей. Он стал представлять реку, куда сейчас полетят: серебристую водную гладь, бьющуюся на леске форель.

И незаметно задремал, слишком рано пришлось вставать...

Перед ним по-прежнему лениво текла река, только вода была темнее, чем представлял – совсем черная. На другом берегу стояла женщина. Лес позади нее затягивала дымка, и платье выделялось яркой белизной. Но еще ярче сияли пла-

менно-рыжие волосы женщины.

Мама!..

Она взгляделась и с улыбкой помахала рукой. Жест был нетороплив и спокоен, словно говорил: «До свидания!»

Варламов проснулся, сердце сильно билось. Он давно не видел во сне мать. Первое время она часто приходила по ночам, когда сквозь сон и шорох дождя чудились крадущиеся шаги тварей из Тёмной зоны. Она клала прохладную руку на лоб, и они отправлялись гулять по тропинкам странного, но очень красивого сада. Наверное, ей не хотелось оставлять сына одного в чужой для себя стране. А потом перестала приходить, словно однажды зашла в заколдованный сад слишком далеко и не смогла вернуться. И вот появилась снова...

От домика уже возвращалась веселая компания: на гостях из столицы Автономии повисли две девицы в камуфляже, с ярко накрашенными губами. Отец подошел к машине.

– Прости, Евгений, – виновато сказал он, и Варламов вздрогнул от удивления: отец не любил извиняться. – Места в вертолете для тебя не осталось. Этих баб, – он добавил нецензурное слово, – генерал берет, чтобы гостей ублажать. Одной водки и рыбалки для них маловато. Останься пока тут, дежурный о тебе позаботится.

Отец неловко ткнулся щетинистым подбородком в щеку Варламова и зашагал к вертолету. Варламов остался сидеть с открытым ртом, таких нежностей у них в семье давно не водилось. Но вскоре опомнился, поспешил к вертолету и за-

брал свой рюкзак.

Раскрутились винты, вертолет оторвался от земли и со звенящим гулом ушел в небо. Уменьшаясь, он направился на северо-восток; там сохранились леса и чистые реки, остались и заброшенные поселки, так что рыбалка предполагалась с комфортом. Варламову ничего не оставалось, как подогнать узик к дому. Взяв рюкзак, поднялся на крыльцо. Когда отворил дверь, то закашлялся от табачного дыма.

– Будь здоров, не кашляй! – приветствовал его сидящий за столом человек. Он был в расстегнутой камуфляжной куртке, лысый, щеки блестели от пота. – Ничего, что накурено, зато комаров меньше будет. Выпей, – он кивнул на канистру, – это твой отец оставил. Заодно давай познакомимся. Михаил Сирин, механик.

Он протянул жестковатую ладонь.

– Евгений, – буркнул Варламов.

Он выбрал стакан без следов губной помады и налил половину, настолько выбил из колеи странный сон и непривычное поведение отца. Водка была неважной, местного производства, и в голову сразу ударило.

– Давно здесь служите? – спросил он.

– С самой войны, – охотно отозвался Сирин. Он налил себе и кивнул на тарелку с розовой семгой: – Закусывай. Мне она уже обрыдла. Живем тут на рыбе да на консервах, неизвестно зачем живем.

– Уехали бы в какую-нибудь южную автономию, – про-

мямлил Варламов, вгрызаясь в сочную мякоть. – У вас выслуги, должно быть, хватит.

Сирин махом проглотил водку и со стуком поставил стакан, глаза подозрительно заблестели.

– Куда уехать? – зло спросил он. – На тот свет, что ли? Там меня жена и дочка дожидаются. – По щекам и вправду потекли слезы.

Варламов оторопело откусил еще семги. Но Сирин взял себя в руки, хлебнул водки, и стал вытирать глаза скомканным платком.

– Ладно, – вздохнул он. – Что было, того не вернуть. А ехать мне некуда, парень. В Москву сейчас только сумасшедший сунется. Тут хотя бы на казенных харчах. Ладно, пойдем. Устрою я тебя.

Он завинтил канистру и повел Варламова по лесенке вниз. Спускаться пришлось долго, наконец оказались в тускло освещенном коридоре. Было душно, по сторонам через равные интервалы располагались двери.

– Командный пункт, – сообщил Сирин. – Сейчас законсервирован. Вот моя конура, можешь располагаться на второй койке. А хочешь, записи погляди.

Он толкнул другую дверь – открылся обширный зал, уставленный аппаратурой.

– Большая часть этого железа не работает, – хмуро сказал Сирин. – Главный радар отключен за ненадобностью, с севера вряд ли кто явится, а через спутниковую «тарелку» запи-

сываем канадские и американские телепрограммы. Ну и что-нибудь из Интернета, если получится. Отправляем на анализ в Генштаб Московской автономии, хотя по-моему, хренотень одна. Английский хоть немного знаешь?

– Свободно владею, – брякнул Варламов, не подумав.

– Да ну? – присвистнул Сирин. – Откуда? Это в мое время в школах учили.

Варламова передернуло, до того надоело объясняться.

– У меня мать американка, – неохотно сказал он, оглядывая сумрачный зал. – Приехала еще до войны. После этой заварухи, конечно, пришлось остаться. Ее чуть не посадили как шпионку, но отец в жены взял. Она и выучила меня языку. Часто свою Каролину вспоминала, книжки на английском мне читала.

– Ну и ну, – ухмыльнулся Сирин. – Выходит, ты наполовину американец! То-то рожа не русская, больно вытянутая. Но все равно, красавчик. Девки, небось, так и бегают.

Варламов стиснул кулаки. Только утром, бреясь тупой китайской бритвой, он скептически разглядывал себя в зеркале. Грязно-светлые волосы (давно пора стричь), выступающие скулы. Лишь глаза можно было счесть красивыми – мать называла их голубыми, хотя цвет скорее походил на серый. Вдобавок слова Сирина напомнили детскую дразнилку, ею донимали в школе, пока свежи были воспоминания о войне: «Один американец засунул в жопу палец и вытащил оттуда говна четыре пуда».

– Замолчи, – сказал он, не заметив, как перешел на ты. – А то и врезать могу!

Сирин погрузнел.

– Ладно, извини, – пробормотал он. – Пойду, прилягу. Если захочешь что-то посмотреть, аппаратура вон там.

Он повернулся и вышел из зала.

Варламов шумно выдохнул, достали в детстве кличкой «американец». Из скольких носов пришлось кровь пустить, пока начали остерегаться. В гробу он эту Америку видел. Хотя примерно там она и оказалась.

Чувствуя, как горят щеки, он сел за компьютер и взял первый попавшийся диск. Китайских флешек военные, должно быть, остерегались. На оборотной стороне диска стояла дата, наверное когда записывали. Варламов толкнул его в дисковод, экран осветился.

Сначала шла реклама – на английском, но в основном китайских товаров, а потом начался боевик. Действие происходило где-то в Америке: парень и девушка становились свидетелями бандитской разборки, их обвиняли в убийстве, и приходилось бежать от полиции в Лимб, а потом и саму Тёмную зону. Выглядела она кошмарнее здешних: парню то и дело приходилось спасать девушку от гигантских пауков или жутких мутантов. Порою для разнообразия девушка спасала его. Под конец они выбирались к цивилизации, эффектно расправлялись с бандитами и заканчивали действие затяжным поцелуем.

Варламов зевнул и стал смотреть запись дальше. Пошла информационная программа: интервью с конгрессменом от некоего Ил-Оу о проблемах здравоохранения, пара криминальных происшествий, опять реклама китайских товаров... Варламов смотрел вполглаза, в основном слушая голос диктора. Вяло подумал: доведется ли встретиться с американцами и поговорить с ними по-английски? Шансов на это казалось мало. Он протянул руку, чтобы выключить компьютер.

Сзади раздалось лязганье открываемой двери, и вошел Сирин – лицо опухло, одежда помятая.

– Сидишь? – спросил он, с отвращением оглядывая зал. – Пойдем, прогуляемся на свежем воздухе.

Варламов потянулся и встал. Продолжать ссору с Сирином не хотелось, ругани хватало дома.

– Пойдем. Покажешь, что у вас тут?

– Кой-чего есть, – хмуро сказал Сирин. – Пошли через ангар.

Они вышли в коридор, и перед очередной дверью Варламов впервые увидел в подземелье других людей: два бледных юнца в камуфляже играли в домино за металлическим столом.

– Это кто с тобой? – недовольно глянул один на Варламова.

– Сын здешнего градоначальника. Генерал разрешил.

– Улетел старый козел? – вступил в разговор другой. – Небось, всю неделю водку жрать будет. Не жмись, давай и

нашу долю.

Сирин достал из кармана фляжку, двое оживились и перестали обращать на них внимание.

За дверью было темно, сквозняк подсказал, что вошли в обширное помещение. Сирин, чертыхаясь, шарил по стене. Наконец вспыхнул свет, и Варламов вздрогнул: вереница тусклых ламп озарила огромный зал. На полу из бетонных плит, сгорбившись, сидели огромные черные птицы со стеклянными глазами поверх хищных клювов...

Да это не птицы, а самолеты. Военные самолеты!

– Вот они, птички наши, – ласково сказал Сирин. – Им уже лет за двадцать, но выглядят как новенькие.

– А с кем воевать собираетесь? – поинтересовался пришедший в себя Варламов. – Китайцы далеко, к тому же они Тёмных зон боятся, как черт ладана, вдруг на их драгоценные гены подействуют.

Сирин любовно и в то же время с тоской оглядывал самолеты. Похоже, они остались единственным, что ему было дорого в жизни.

– Это «СУ-34М», – сказал он, будто не слыша Варламова. – С увеличенной дальностью, чтобы вести бои над Европой.

– Они с ядерным оружием? – шепотом спросил Варламов.

– Нет, – Сирин нахмурился. – Что было, истратили на натовские базы в Норвегии и Шотландии. Остались только ракеты «воздух-воздух» и «воздух-земля». В Московской автономии всё боятся, что американская подлодка заберется в

Белое море и шарахнет по ним крылатыми ракетами. Хотя по-моему, американцам на нас давно наплевать.

Странная мысль пришла в голову Варламова, слегка уколотив при этом мозг – то ли навеянная недавним фильмом, то ли откуда-то со стороны.

– А до Америки такой самолет долетит?

– Гм, – Сирин был озадачен. – Вообще-то это фронтовой бомбардировщик, полетная дальность четыре тысячи километров. Но если вместо боезапаса навесить дополнительные баки?.. Надо прикинуть.

Он с интересом поглядел на Варламова: – Хочешь слетать?

Варламов смутился: – Да нет, просто подумал. Тоскливо тут.

– Тебе-то что тосковать? – Они шли через ангар. – Отец начальником пристроит, бабу хорошую найдешь.

Варламов промолчал: от того и тошно, что за него уже все решено. Сирин оглянулся на понурых металлических птиц и закрыл дверь. Потоптался в тамбуре, открыл другую. Пахнуло свежим воздухом, и они оказались на улице, последняя дверь была вделана прямо в скалу.

– Ну вот, – блаженно сказал Сирин, усаживаясь на бревно. – Замаскированы мы неплохо, подземный ангар еще с советских времен. Да толку что? Воевать не с кем, это ты правильно заметил. НАТО больше нет, а вместо границы Тёмная зона, через нее вряд ли кто полезет. Просто по договору

с Московской автономией держим военную часть. Зимой по норам сидим, а летом промышляем. Рыбу ловим, зверя иной раз завалим. Консервы на свежий хлеб вымениваем, да бабам даем. За то, что они нам дают, ха-ха... У нас ведь меньше сотни человек. А командует генерал! То-то расстарался для ревизоров, чтоб оставили все, как есть.

Сирин вытащил сигареты и закурил.

– А почему народу не видно? – любопытствовал Варламов, тоже садясь на бревно. Окурков было набросано пропасть, видно любимое место для перекуров.

– Так на семге все, – пояснил Сирин, щурясь на солнце. – Чего ради сейчас с проверкой приехали? Семга идет. У нас своя речка, сети поставлены. Генерал с ревизорами будут спиннинги закидывать, когда от водки очухаются, а наши ловят по-простому: сеть вытягивают, семгу пластают и солят. На весь год запасаем. У нас, Евгений, осколок прежней Россиянии, то есть полный бардак.

Варламов пожал плечами и залюбовался пейзажем. Безмятежно синее озеро, лесистые холмы, а выше белые облака.

– Красиво тут, – вздохнул Сирин. – Привык к этим местам. А где моя жена и дочка лежат, так и не знаю.

– А может, они живы, – осторожно сказал Варламов. – Города, попавшие в Тёмные зоны, говорят, успели эвакуировать.

– Где там! – отмахнулся Сирин. – Знаешь, как Москва сейчас выглядит? Дроны снимали: все цело, брошенные маши-

ны вообще, как новые. Только сумрак – всю центральную часть тогда накрыло «чёрным светом» со спутника. Большую часть жителей, конечно, эвакуировали. Но от моих ни слуху, ни духу. Остались бы живы, давно отыскал через единую базу данных.

– А вообще, как это было? – Варламов попытался отвлечь собеседника от грустных воспоминаний. – С чего все началось?

– А хрен его знает! – пожал плечами Сирин. – На политинформациях говорили, что с провокации американских спецслужб. У нас ведь во всем винят Америку. Так или иначе, на наших спутниках сработали установки «чёрного света» – по слухам, их создавали как радиоэлектронное оружие. В зонах поражения стало темнеть, а люди и компьютеры словно сошли с ума. Американцы сочли это нападением и запустили ракеты по нашим командным пунктам. Мы ответили ядерными ракетами, но компьютерные системы пошли в разнос из-за «чёрного света», так что настоящей ядерной войны не получилось, только в Европе народу пожгли – ужас. Спутники с «чёрным светом» то ли сбили, то ли сами перестали работать, и что это такое...

Сирин поперхнулся и недовольно добавил: – В школе, что ли, не проходили?

Варламов неопределенно повел плечами, всего не запомнишь. Сирин раздраженно бросил окуроч:

– Ладно, пошли отсюда. Холодеет.

И в самом деле, поднялся ветер. Деревья зашумели, облака вытянулись и словно призрачные пальцы зашарили по небосводу. Пахло осенью, и еще чем-то, неопределенным и зловещим.

В подземном зале Сирин сел за компьютер и между делом кинул Варламову пачку фотографий.

– Посмотри, это ребята над Европой снимали, когда еще летали в разведку.

Варламов взял неохотно, но жутковатая красота снимков приковала взгляд... Когда-то это был город. Остатки оплавленных зданий походили на сталагмиты желтого и оранжевого цвета. Размытые ударными волнами улицы тонули в буро-зеленых джунглях. Из-под растений выглядывали погнутые фонарные столбы и кузова автомобилей. Виднелись даже цветы – огромные гроздья желтых и красных бутонов, словно кинутые кем-то в насмешку к надгробиям европейской цивилизации.

– Да уж, – неопределенно сказал Варламов, откладывая фотографии. – Она вся такая?

– Да нет, значительная часть обитаема. А в этих местах китайцы хотят развлекательный парк открыть, радиации почти не осталось.

Он умолк, а Варламов порылся в дисках и отыскал другой американский фильм – любовную драму, пронизанную ностальгией по благополучному прошлому. На эротических сценах он воровато оглядывался на Сирина, православная

цензура такого не пропускала.

– Слушай, получается! – оторвался от компьютера Сирин.
– Я рассчитал по электронным картам. Если лететь на сверхзвуке, то горючего в подвесных баках хватит до Гренландии. Когда их сбросим, скорость увеличится и запаса в самолете хватит до Великих Озер, это шесть тысяч километров отсюда. Еще останется немного, чтобы отыскать место для посадки.

– Ты о чем? – удивился Варламов.

– А ты спрашивал, долетит ли «СУ» до Америки? Долетит! Хорошая машина. Надо будет расчеты пилотам показать. Ладно, пойду вздремну. Захочешь есть, консервы вон там.

Варламов досмотрел фильм, поковырялся в консервной банке и походил по залу. Порой нажимал кнопки, но экраны большей частью оставались темны – лишь немногие пробуждались к жизни, да и те только мерцали, словно по всей Земле шел бесконечный снег.

Варламов снова сел и включил тюнер. Местное радио транслировало классическую музыку. Потом диктор зачитал новости, в основном про подготовку к зиме, а под конец скороговоркой сообщил о происшествии: в Петрозаводске сгорела физическая лаборатория университета. Никто не погиб – в развалинах не нашли останков, но несколько сотрудников исчезли неизвестно куда. Ни администрация университета, ни домашние не знали, что с ними случилось. Варламов

зевнул и протянул руку к выключателю. Она остановилась на полпути, сбоку стоял Сирин с побелевшим лицом.

– Ты чего? – ошалело спросил Варламов. Но Сирин постоял, а потом ушел, шаркая ногами.

Варламов пожал плечами и тоже решил поспать. Переделся в тренировочный костюм с капюшоном и устроился на диване. Стало уютно – как в детстве, когда мама поправляла одеяло и тихонько напевала что-нибудь по-английски. Скоро уснул.

Проснулся от гула, диван задрожал. Варламов откинул капюшон и услышал частый отрывистый стук. Стреляют! Учения, что ли?..

Стало жутко, и он сел. Только спустил ноги на пол, качнуло сильнее – грохот раздался совсем близко, а с потолка посыпалась побелка. Варламов кое-как надел ботинки и кинулся к двери. Едва выглянул в тускло освещенный коридор, раздался мерзкий визг, и рядом из стены брызнуло крошево. Варламов рванул дверь на себя, ручка выскользнула из вспотевшей ладони. С трудом удержался на ногах, захлопнул дверь и закрыл на засов.

И в самом деле стреляют! То ли целились в него, то ли случайная пуля. Может, охрана перепилась и развлекается стрельбой куда попало? Начальства ведь нет. Тогда надо отсидеться за стальной дверью... Но сердце ныло, вспомнился недавний грохот. Похоже, взрывали именно двери.

Неужели война? Но с кем?.. Варламов растерянно сел на

диван. И подскочил, адский вопль пронзил уши. Тоска и механическая злоба слились в нем – не сразу понял, что слышит сирену. Вскоре вой прекратился, а коридор загудел от бегущих ног. Кто-то упал возле двери, вскочил и с приглушенной руганью устремился дальше. Снова остервенело застучали автоматы (приходилось стрелять на уроках по боевой подготовке). Эхо отдавалось в коридоре и казалось, что стреляют со всех сторон.

Внезапно все смолкло. Варламов продолжал сидеть, не зная, что делать. Не привык к таким переделкам, жизнь в Кандале была однообразной. Тишина становилась более жуткой, чем грохот недавней стрельбы. Варламов не выдержал, на цыпочках приблизился к двери и приложил ухо к металлу.

И в животе словно образовался ледяной ком, снова предательски ослабили колени. Кто-то скребся снаружи! Словно крыса шуршала в подzemелье – или кто-то прилаживал взрывчатку к двери!..

Варламов забежал в поисках укрытия, но не нашел ничего подходящего и бросился плашмя за диван, авось укроет от осколков. Чихнул от поднявшейся пыли и затаился. Сердце сильно билось.

Время шло, ничего не происходило. Потом за дверью негромко позвали:

– Евгений, открой.

Варламов узнал голос Сирина. Еще полежал, отряхнулся и пошел к двери. Чувствовал себя дураком, а вдруг это розыг-

рыш? Помедлив, открыл дверь.

Сирин не торопился входить. Вид был сумрачный, лысина блестела в пыльном свете. В одной руке держал пистолет, а в другой авоську и смотрел куда-то в сторону. Варламов тоже глянул туда. На полу вытянулся человек в камуфляже. Лица не было видно, вглубь коридора тянулась кровавая полоса.

Варламов судорожно вздохнул и с трудом задвигал языком.

– Это наш?.. Я слышал, что кто-то скребется снаружи. Побоялся открыть. Надо помочь, а то истечет кровью.

Он сделал движение к телу, но Сирин толкнул грудью так, что пришлось шагнуть обратно. Сирин переступил порог и, аккуратно поставив авоську, закрыл дверь на засов. Повернулся, с белыми от бешенства глазами.

– Ты с ними? – прошипел он, тыча в живот Варламова чем-то твердым. Пистолет!

– С кем? – Голос противно задрожал. – Я ничего не понимаю, Михаил. Раздался грохот, я проснулся...

Сирин глядел на него остервенело, потом опустил пистолет и сплюнул.

– Добрались-таки до нас, – сказал он с непонятной интонацией. – Ладно, будем считать, ты тут ни при чем. Хорошо, что ребята успели заблокировать наружные двери. Но это ненадолго.

– А кто эти нападавшие? – прошептал Варламов.

– Они не представились, – усмехнулся Сирин. – Одеты в

камуфляж, без знаков различия. Двое валяются дальше по коридору.

– А наши? – Голос Варламова прозвучал хрипло.

– Наверху охрану видно убрали, да и здесь обоим кранты, – равнодушно сказал Сирин. – Если стреляют из автоматов в замкнутом помещении, все бывает кончено за несколько секунд. Ладно, нет времени рассуждать. На базу совершенно нападение, будем действовать по инструкции. Пока...

Сирин криво улыбнулся и сделал движение к двери. Но остановился, почесал затылок и направился к пульту у стены. Засветилось несколько экранов, и Сирин присвистнул:

– Ага! Это хорошо, что я инструкцию вспомнил. Ее не дураки писали.

Он вернулся к авоське, достал из нее округлый предмет и на цыпочках подкрался к двери. Тронул что-то у косяка, отодвинул засов... Варламов едва не оглох от пронзительного воя сирены, а Сирин приоткрыл дверь и, взмахнув рукой, тут же закрыл. По ушам Варламова саданул звенящий удар, дверь подпрыгнула, а сверху снова обрушилась вьюга побелки.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Сирин, и Варламов еле расслышал в ватной тишине. – Медаль я заработал.

Он снова вытащил из кармана пистолет и открыл дверь. Долго смотрел, не высовываясь, а потом усмехнулся и спрятал пистолет.

– Пока стрелять не в кого. Погляди.

Варламов выглянул, но тут же отвернулся, его едва не стошнило. К прежнему трупу добавился второй, в истерзанном и залитом кровью камуфляже.

– Что будем делать? – хмуро спросил он.

– Дела хреновые, Евгений. – Сирин поднял авоську (теперь стало ясно, что набита гранатами). – Камеры наверху не работают, все каналы связи забиты помехами. Сколько направших, я не знаю. По инструкции положено выводить самолеты из строя, чтобы не достались противнику. Но сделаем по-другому. Сейчас только две машины готовы к полету. На одной я вырву блок электроники, а на другой улетим. Тут возможен старт прямо из ангара, а до Петрозаводска полчасу лету. Только надо спешить, дверь наверху просто так не возьмешь, но и с нею можно справиться. А то и запасной вход в ангар отыщут.

Они вышли в коридор – Сирин первый, а Варламов пристроился сзади. Старался не глядеть под ноги, но поскользнулся, и снова затошнило.

– Ты ведь не пилот, – пробормотал он.

– Не военный летчик, верно, – отозвался Сирин. – Но перегонять самолеты с базу на базу нас учили. Это называлось совмещением военных профессий. Всякое может случиться, а людей вечно не хватало. Так что полетал вторым пилотом... Ладно, давай скорее. Надо одеться, без высотно-компенсирующих костюмов лететь нельзя.

В раздевалке Сирин подобрал комбинезон по росту Вар-

ламова, застегнул на нем и зашнуровал. Переоделся сам, опять вышли в коридор, но вскоре Сирин свернул к обитой кожей двери. После короткой возни с замком вошли в кабинет с коврами и дорогой мебелью.

– Генеральский, – буркнул Сирин, направляясь к сейфу. Поковырялся, и дверца открылась. – Когда пили, сам показывал, как открывать.

Бумаг Сирин не тронул, взял только футляр, похожий на портсигар. Положил на стол.

– Смотри внимательно, – голос прозвучал напряженно. – Если меня убьют, тогда заберешь. Открывается легко, просто нажать защелку.

Футляр открылся, и Варламов увидел четыре белых цилиндрика, чуть больше сигареты каждый. В голосе Сирина прозвучала гордость:

– Это совершенно секретная вещь. Была разработана для спецподразделений. Запоминай! Порядок – сверху вниз. У первой штуки с обоих концов хитрые пробки, их надо надавить одновременно. При этом уколешь палец, но не бойся, это в кровь попадет антидот. Все остальные в радиусе полусотни метров уснут, и надолго... Второй тоже надавить с концов, но бросать подальше. Рассмешит любую, даже самую угрюмую компанию – будут хохотать до упаду, станет не до тебя. Потом тоже расслабятся на пару часов... Третья штучка посерьезнее, может расчистить дорогу от небольшого отряда. Наводишь заостренным концом в нужную сторо-

ну, нажимаешь с боков и отпускаешь. Идет на тепло человеческого тела и сама обходит препятствия. Только держи в стороне и сразу разжимай пальцы, иначе прожжет в тебе дырку... Четвертая – подарочек из самой преисподней. Видишь рифленое колесико? Ставишь, сколько минут тебе надо, чтобы удрать хотя бы на двести метров, и ноги в руки! Даже генерал не знает, что это такое. Может, холодный термометр. Ни ударной волны, ни радиации, но в радиусе сотни метров все исчезает.

Захлопнув футляр, Сирин положил его в карман.

– Ладно, пошли. Еще кое-куда надо зайти.

Он выглянул в коридор, на секунду скрылся, потом показалась рука с пистолетом и поманила Варламова. Зашли в комнату Сирина, где он открыл холодильник и достал из морозилки полиэтиленовый пакет. В ответ на недоуменный взгляд Варламова усмехнулся:

– Доллары. Мы перед войной на машину копить стали, вот и остались. А в морозилку прятать жена приучила. Было время, выпивал я сильно, и она стала деньги припрятывать. Чуть до развода тогда не дошло. Потом я пить бросил, а она лежала больная и попросила на рынок сходить. Я ей и говорю, что денег нет. А она улыбается, весело так. «Миша, – говорит, – ищи, где похолоднее...»

Варламов пожал плечами, кому в России нужны доллары? А Сирин помрачнел. Взял со стола фотографию красивой женщины с пепельными волосами (к плечу прислони-

лась худенькая девочка) и положил в карман.

Снова шли по сумрачному коридору. Комбинезон непривычно обтягивал тело, происходящее казалось нереальным: странное нападение, взрывы, окровавленные тела... Сверху донесся грохот, в спину упруго толкнуло. Варламов упал, но тут же ошалело вскочил. Дальше побежали, подгоняемые взявшимся откуда-то ветром, пахло какой-то химической дрянью. Сердце Варламова панически билось. Влетели в ангар. Сирин задержался возле двери. В пещере вспыхнул свет, ближний самолет глянул на них стеклянными глазами кабины. В этот раз он показался огромным псом, склонившим лобастую голову перед хозяином. Остальные обиженно жались к стенам.

Сирин метнулся к одному из них, открыл люк в борту, стал что-то делать... И снова оказался рядом.

– Залезай!

Варламов пошарил глазами, но не отыскал лесенки, а прозрачный колпак кабины был высоко. Сирин толкнул к оранжевому трапу, спустившемуся из недр самолета. Варламов взобрался к маленькому стеклянному небу над двумя креслами, увидел множество приборов и опустился в правое кресло, стараясь ничего не трогать. Сирин ловко уселся в кресло рядом. Он что-то торопливо проверял, чем-то щелкал. Потом перегнулся через проход:

– Упакуем тебя как следует. В полете будем говорить через шлемофон и дышать через трубочку. Высоко пойдем, а

самолет старый – вдруг разгерметизация.

Некоторое время он возился, пока Варламов не почувствовал себя спеленатым как младенец. Рот закрыла пахнущая химией маска. Но дышалось легко.

– Ну, всё! – Трап поднялся и замкнул их в металлическом чреве. – Поехали! – Голос прозвучал странно, видимо слышал его через шлемофон.

Самолет задрожал, сзади послышался мощный рык. По полу ангара побежали пыльные вихри. Краем глаза Варламов уловил другое движение: дверь, ведущая к озеру, отлетела, переворачиваясь в облаке дыма. Мгновением позже в ангар ворвались двое. Рты разевались в беззвучном крике, один человек поднял что-то блестящее. Словно электрический разряд пронизал тело Варламова.

– Эй! – крикнул он.

Сирин покосился, но сразу отвернул голову. Потянул за что-то – воздух задрожал, очертания предметов исказились. Варламов увидел, как двух людей отшвырнуло к стене. Пол ангара двинулся навстречу, швы между бетонных плитплыли все быстрее. Варламов глянул вперед и испугался: вереница ламп укорачивалась на глазах.

– Постой! – вырвалось у него. – Впереди ведь стена...

День был ясным, одним из последних перед дождливой осенью. Солнце начало клониться к закату, и только дым от развалин домика нарушал безмятежность пейзажа. Вдруг из

недр лесистого холма послышался гул, задрожала земля. С металлическим лязгом часть скалы отъехала в сторону, открыв тускло освещенный туннель. Гул превратился в гром, огромная хищная птица вырвалась из туннеля и взмыла в небо на косых столбах дыма и пламени.

Вскоре она скрылась из виду, а в небе появился белый инверсионный след, уходящий на северо-запад.

2. Сирина

Раньше Варламов летал только на вертолете, и его поразило, как быстро уходит вниз земля: вот видно два-три озера, а вот их уже много, но они гораздо мельче – словно осколки стекла рассыпаны по бескрайней равнине. Хотя было не до любования пейзажем: вдавливало в кресло так, что было трудно дышать. Небо быстро темнело – не удивился бы, появись на нем звезды.

– Ну, как? – Сирина держал штурвал непринужденно, словно летал каждый день. – Если тянет наложить в штаны, так сзади унитаза есть.

– Пошел ты, – сердито сказал Варламов. Дышать стало легче, надсадный гул притих. – А ты, оказывается, неплохой пилот.

– А как же? Честь имею доложить, отличник боевой и политической подготовки Михаил Сирина. Ну, пока всё. Вышли на сверхзвук.

Варламов покосился на солнце, ослепительно сиявшее по-

зади правого крыла.

– Ты говорил, что нам в Петрозаводск, – озадаченно спросил он. – А почему летим на север? Петрозаводск ведь на юге.

– Быстро сориентировался, – голос Сирина прозвучал странно, он не повернул головы. – На охоту ходишь?

– Бывает. А в чем дело, Михаил?

– Не летим мы в Петрозаводск, – нехотя ответил Сирин. – Голову мне оторвут в твоём Петрозаводске. Да и вообще в России.

– А куда? – обалдело спросил Варламов.

– Как ты и предлагал. За океан, в Америку.

У Варламова открылся рот – что за ерунда? Сердце тревожно забилося.

– Зачем? Да тебя под трибунал отдадут!

– Под американский, что ли? – хмыкнул Сирин. – Знаешь, что, Евгений! Я наверное плохой патриот. Но не могу простить, что жена и дочка где-то там лежат. Что не защитили их наши политики и военные, которые только болтать умеют, да водку жрать. И потом, у меня еще одна причина есть. Не стану о ней говорить, тебе спокойнее будет. Только мне надо исчезнуть отсюда. Хорошо, что ты идею подал, и я успел маршрут просчитать.

Варламов тоскливо глянул вниз: словно сумерки накрыли зеленую гладь лесов, проплешины сопок и зеркальца озер. Самолет не машина, в воздухе не выйдешь. Даже с парашю-

том прыгать нельзя, внизу уже Тёмная зона. Да и не прыгал никогда с парашютом... По телу прошел озноб, ну и влип!

– Да ты не волнуйся, Евгений, – снисходительно сказал Сирин. – Повидаешь Америку, в английском попрактикуешься. На базе оставаться все равно было нельзя. Это не террористы, а кое-кто похуже. Есть у меня догадки.

– А кто? – машинально спросил Варламов, но ответа не дождался.

Хотя особо не ждал, был слишком растерян. Оставить дом, привычную Кандалу... Да что Кандалу, он покидает Россию! Когда-то обычное дело, мать прилетела из другой страны, но с тех пор мир изменился: между населенными областями пролегли Тёмные зоны, и путешествия стали смертельно опасны.

Варламов открыл было рот, чтобы упросить Сирина отказаться от безумной затеи. Ведь еще можно повернуть на Петрозаводск... И закрыл, не произнеся ни слова.

А что его ждет дома? В лучшем случае, станет второстепенным начальником. Еще женится на Ирме, нарожает детей, выезжать будет только на рыбалку. А тут открывалась возможность повидать мир. Другого такого шанса в жизни не представится... И решил.

– Ладно, я с тобой, – сказал хрипло и чуть не рассмеялся: как будто Сирин оставил ему выбор? Так вот почему мать помахала ему рукой!

– Ну и лады, – бодро сказал Сирин. – Часа за четыре до-

летим, если не собьют.

– А могут сбить? – опасливо поинтересовался Варламов.

– Над Европой некому. А вот НОРАД, шут ее знает, может и действует.

– Это что такое? – удивился Варламов.

– Противовоздушная оборона Северной Америки, – пояснил Сирин. – До Штатов наши не летали, мы первые будем. Да ты не волнуйся, Евгений (вообще-то Сирин выражается грубее, в тексте привычные для военных обороты смягчены). Если что, катапультируемся. Тебя отстреливает вместе с креслом, а парашют сам раскроется. Только бы не над морем, хотя в комплекте и надувная лодка есть. Но я думаю, наша птичка даже НОРАД не по зубам. Если она там вообще осталась.

Про отстреливание Варламову не понравилось, про море тем более. Но делать было нечего, и он стал глядеть вниз.

– Мы над Финляндией, – сообщил Сирин.

Он смотрел на дисплей, где смещалась карта. В центре светилась точка, видимо означая положение самолета. Внизу ничего не изменилось: лес, сопки, озера. Только вдали показались снежные горы. Приблизились, сверкая под солнцем, и вскоре оказались под крылом.

– Гора Кебнекайсе, – сказал Сирин. – Граница с Норвегией.

Среди гор заблестела вода, словно реки лежали в каменных берегах. На них падали тени от облаков, вскоре облака

стали гуще и вот уже простерлись белой холмистой равниной.

– Мы над морем, – изменившимся голосом сказал Сирин. – Прощай, старушка Европа, мир праху твоему. – И чуть погодя добавил: – До чего же хороша машина!

Варламов не ответил, от избытка впечатлений заболела голова. Солнце ярко светило сбоку, самолет будто повис между блистающими облаками и темным небом. Резкий свет утомлял глаза. Варламов закрыл их и незаметно погрузился в сон. Странные сны виделись ему в этой машине – стремительно летящей, но одновременно как бы застывшей посередине неба.

Вот он идет по сумрачному коридору, и кто-то легко ступает у него за спиной. Ему не страшно – наоборот, на душе легко и хочется обернуться. Но в конце коридора ждет темная дверь...

Теперь он стоит на кладбище – это видно по белым надгробьям, – и держит на руках девушку с распущенными рыжими волосами. Девушка похожа на мертвую, но опять-таки, ему почему-то радостно...

Напоследок он видит мост над черной рекой. Мост исчезает, превращаясь в радугу, но дорога продолжается и по ту сторону радуги...

Варламов проснулся в смятении, однако глянул вниз, и видения забылись. Под самолетом раскинулась феерическая страна: море протягивало голубые руки фиордов в мир за-

снежных скал и ледяных рек. Справа к горизонту уходило другое море – голубовато-белое море снега и льда.

– Проснулся? – Голос Сирина звучал бодро. – Вовремя, под нами Гренландия. Сбрасываем подвесные баки.

Он проделал манипуляции на приборной панели. Вниз закувыркались две сигары, ранее висевшие под крыльями самолета.

– Теперь пойдем быстрее, – весело сказал Сирин. – Полпути позади, должны долететь.

Во все стороны раскинулась снежная равнина, над ней слепящим комком висело солнце. Что-то удивило Варламова, а спустя минуту стало понятно – солнце было заметно ниже, чем час назад. Оно опять спустилось к горизонту!

Зубы Сирина сверкнули в улыбке:

– Мы летим быстрее, чем вращается Земля на этой широте. Скоро солнце зайдет. Зайдет на востоке!

Снега остались позади. Снова скальные берега и синяя вода с плавающими кусочками сахара. Айсберги!

– Дэвисов пролив, – кивнул вниз Сирин. – Не хочешь пожить среди эскимосов?

И снова фиорды, снежные поля, синева моря... Наконец солнце и вправду коснулось горизонта, расплющилось в красную полосу и исчезло. В меркнувшем свете спереди на двигалась черная полоса. Стало темно.

– Лабрадор! – В голосе Сирина прозвучала тревога.

Появилась луна, прежде невидимая в сиянии арктическо-

го солнца. Ее бледный свет не разогнал темноты вниз, лишь отразился в лужицах озер. Еще несколько минут ничего не происходило, потом на панели замигал красный огонек и приятный женский голос сказал: «Самолет попал в зону действия радара. Самолет попал в зону действия радара».

У Варламова сжался желудок, а к горлу подступила тошнота. Сейчас их собьют! Представилось, как на факеле огня к ним несется ракета, как разлетаются обломки, и он падает сквозь километры пустого воздуха.

– Может, катапультируемся? – робко предложил он.

Сирин хмыкнул: – Если бы нас засекли со спутника, тогда хана. А наземный радар ерунда. Пойдем над землей.

Он повел штурвал от себя. Луна исчезла, стекла кабины затопила тьма. Тело Варламова потеряло вес – всплыл бы над креслом, если не ремни. Зато потом придавило так, что перед глазами поплыли огненные круги.

– Теперь посмотрим. – Сирин тяжело дышал.

Варламов поморгал – и едва не закричал от ужаса. Самолет несся над землей, смутно видимый лес стремительно утекдал назад. Прямо на них летел холм, по вершине вырос-тал частокол деревьев. Варламов не успел вскрикнуть – зубы ляскнули, словно гигантский кулак ударил в днище самолета, он подскочил, и холм остался позади. Самолет обрушился вниз, но вскоре подпрыгнул снова.

И еще раз, и еще!

Втянув голову в плечи, Варламов скосил глаза на кресло

пилота. Сирин не держал штурвал, изогнутая рукоятка ходила взад и вперед сама по себе.

– Копируем рельеф местности, – процедил он. – Самолет ведет автоматика. Сейчас опять уйдем на сверхзвук. Скорость будет меньше, чем на высоте, но нам уже недалеко.

Сделалось тише и скачки самолета не так ощутимы, но смотреть на землю без головокружения Варламов не мог. У него потом сильнее билось сердце, когда вспоминал этот полет. Наверное, так могла выглядеть чужая планета с борта космического корабля. Стремительно текли реки призрачной лавы – в них угадывались леса; молниеносно возникали и исчезали бледные протуберанцы – озера; проносились купола темных лун – гребни холмов...

– Машина делает полторы тысячи километров в час, – в голосе Сирина слышалась гордость. – Засечь нас радаром на этой высоте труднее, чем крылатую ракету.

Он замолчал. Понемногу стало светать, во второй раз начинался все тот же день. Вдруг самолет успокоился и пошел ровно, внизу понеслась серая гладь воды.

– Великие озера, – с облегчением сказал Сирин. – Мичиган. Поднимаемся.

Самолет стал набирать высоту. Горизонт слева загорелся желтым огнем – их догоняло солнце. А потом показалось, что впереди вырастает лес, словно багряные стволы сосен вздымались из сумрака. Лишь спустя минуту стало понятно, что для деревьев они чересчур высоки – это здания неправ-

доподобной вышины встречали восход солнца. Вскоре свет затопил и кабину – солнце, зашедшее над Лабрадором, поднималось над озером Мичиган.

– Надо же, Евгений, – голос Сирина звучал хрипло. – Это Чикаго! Надо искать место для посадки. Топлива осталось на двадцать минут.

Город медленно приближался: экономя горючее, Сирин уменьшил скорость. Варламов смотрел как зачарованный. Одно здание было выше других, две антенны на крыше горели мрачным багрянцем, словно утренний свет, падая на них, менял оттенок. Здания наклонились, самолет огибал район небоскребов...

И тревога вошла в сердце Варламова, город был мертв. Не видно было разрушений, как в городах Европы; бесчисленные коробочки автомобилей усеивали улицы, но не двигались, и стало ясно, что даже если самолет опустится ниже, они не увидят пешеходов на тротуарах. Лишь глубокие тени наполняли ущелья улиц.

– Тёмная зона, – сквозь зубы процедил Сирин. – Надо лететь дальше.

Варламов попытался представить, что творилось здесь после той странной войны? Наверное, жители не сразу поняли, что произошло: небоскребы даже не заметили сейсмических толчков от далеких взрывов. Когда люди вышли из убежищ, как будто ничего не изменилось – только дни стали сумрачнее, да по ночам восходила кроваво-красная луна, но

это объясняли тучами пепла, выброшенными в стратосферу над сожженной Европой. Лишь когда стала нарастать волна заболеваний, поднялась паника. Вероятно, люди бросали все, пытаясь вырваться из города, началось столпотворение, жуткие пробки на улицах. И конечно, это никого не спасло.

Остались погруженные в сумрак улицы, остались злоеющие заросли на месте парков, остались немногие и смертельно опасные для человека крысы, собаки и кошки...

Небоскребы уменьшались, словно уходя под землю. Тускло заблестела путаница железнодорожных путей, все наводило на сердце странную тоску. Но вдруг местность повеселела: среди перелесков раскинулись желтые квадраты полей, а на идеально прямой полосе шоссе появилась ползущая букашка.

– Садимся! – напряженно сказал Сирин. – Горючего осталось на десять минут. Судя по карте, тут есть аэропорт. Если полоса будет занята, попробуем сесть на шоссе. Можно катапультироваться, но машину жалко. Как она нас сюда донесла, птичка моя!

Аэропорт оказался небольшим: аэровокзал, россыпь автомобилей на стоянке, несколько ангаров. Самолетов не видно, все словно вымерло. Взлетно-посадочная полоса свободна. Сирин пролетел над нею, примериваясь. Потом развернулся, отлетел подальше и повернул снова. Самолет тряхнуло – это выдвинулось шасси.

– Ну, с богом! – хрипло сказал Сирин.

У Варламова чаще забилося сердце, наступил самый опасный момент полета.

Самолет пронесся над началом полосы, замелькали бетонные плиты, но колеса никак не могли коснуться их. Варламову сделалось страшно, вскоре полоса обрывалась. Вдруг его втиснуло в кресло, а остаток полосы ушел вниз.

– Пойдем на второй круг, – прохрипел Сирин. – Не сбросил вовремя скорость.

Земля отодвинулась, поворачивая под крылом. С высоты она казалась безопасной, и захотелось остаться тут, в вышине... Снова зашли на полосу. Опять понеслись бетонные плиты, и у Варламова будто оборвалось внутри – самолет рухнул вниз. Удар был так силен, что показалось – конец! Но нет, «СУ» с пронзительным визгом неся по полосе. Быстро приближался ее конец, аэродром явно не был рассчитан на прием сверхзвуковых машин.

«Разобьемся! – мелькнула паническая мысль. – Стоило лететь в такую даль...»

Рвануло вперед так, что из глаз брызнули слезы. Но ремни удержали, а краем глаза заметил позади раздувшееся красно-белое полотно. Самолет сбавил ход и вскоре остановился. Наступила неправдоподобная тишина. Сирин манипулировал чем-то на панели.

– Если бы не тормозные парашюты, нам хана, – сказал он. – Как только выдержали! Надо потом собрать. Хотя вряд ли еще понадобятся.

Снова зашумели турбины. Сирин подрулил к аэровокзалу и защелкал тумблерами. «СУ» смолк, теперь уже окончательно.

– Всё, приехали. – Сирин освободился от ремней и помог Варламову.

В полу открылся люк, пахнуло керосиновой гарью. Сирин ловко спустился по трапу и, прислонившись к стойке шасси, закурил.

– Интересно, тут «Беломорканал» найти можно? А то у меня последняя. – Он повертел пачку и бережно положил в карман.

Варламов стал спускаться, но на последней ступеньке ноги подвели, и он сел прямо на бетон. Сирин издал смешок, затянулся и покрутил головой.

– Никого, Евгений. Все брошено.

Варламов ухватился за трап и встал. Было тепло, они словно вернулись из осени в зенит лета. В солнечном свете нежилась зелень и стеклянные стены аэровокзала. Но разбросанные автомобили говорили, что и на эту землю пришла беда.

– Ладно, пошли, – сплюнул Сирин. – А то наедет полиция, и нас арестуют. Будем любоваться американским небом в клеточку.

Только сейчас вспомнилось, что их могут встретить враждебно. Варламов поплелся за Сирином. От названия аэропорта на фасаде сохранились только две буквы – «R» и «L». Внутри было пусто, везде лежала пыль: на диванах, телефон-

ных аппаратах, выпотрошенных автоматах для продажи кока-колы...

Вернулись к самолету. Сирин забрался наверх и стал передавать Варламову сумки, тяжелый ящик, полные канистры.

– Бензин, масло, аккумулятор, – буркнул он. – Вдруг найдем машину.

Варламов удивился: – Когда ты успел? Ведь времени не было!

Сирин криво усмехнулся:

– Я, Евгений, всю ночь самолет готовил. Хрен бы мы долетели без запасных баков. Хотел утром с тобой поговорить, чтобы отправился со мной переводчиком. Но тут нагрянули эти хмыри, не до разговоров стало.

– Ну и ну, – оторопело сказал Варламов. – И что тебе в Америке понадобилось?

– Потом расскажу, – голос Сирина прозвучал странно. – Ладно, давай переоденемся. Жарко.

Сняли комбинезоны. Сирин надел прихваченную одежду, а Варламов остался в тренировочном костюме, брюки и куртку забыл на базе. Хорошо, что ключи от уазика оставил в кармане куртки, а то влетело бы от отца. И чуть не напал истерический смех, увидит ли он отца вообще?

Сирин забросил комбинезоны в кабину, что-то нажал. Трап поднялся, и самолет сразу стал чужим и недоступным. Сирин потоптался у машины, перенесшей их на другой континент, крикнул и пошел к вокзалу. Найдя столик почище,

перекусили консервами из НЗ. Одна канистра была с водой, а в кафе Варламов отыскал пластмассовые кружки. Поев, Сирин вяло сказал:

– Отдохну, и пойдем машину искать. Может, какая заведется. Не пешком же идти.

Подняв облачко пыли, он лег на диван и сразу захрапел. Варламов сел на другой диван и стал смотреть сквозь стеклянную стену. Небо было темно-голубое и по нему плыли облака, похожие на причудливые шахматные фигуры. День обещал быть жарким, Варламов не привык к таким. Он встал и снял трубку раскуроченного телефона-автомата – мертвая тишина. Вышел наружу, приостановился от яркого света и зашагал к зарослям. По пути миновал несколько автомобилей. Все были грязные и на спущенных шинах, наверное их бросили давным-давно.

Бетон кончился, путь преградили зеленые заросли. Они поднимались выше головы, на стеблях торчали какие-то наросты. Вспомнились рассказы матери о родительской ферме, похоже это была кукуруза. Никогда ее не пробовал, но срывать початок не хотелось, все были деформированы: одни грозили бурыми култышками, другие скрючились, словно тяжелобольные. В глубине зарослей сгущалась тьма, и оттуда веяло неопределенной угрозой – верный признак, что они в Лимбе.

Темнота притягивала, вызывая странное томление. Захотелось войти в заросли и бездумно уходить все глубже, чув-

ствуя на лице прохладу, растворяясь в зеленом сумраке... Варламов очнулся, стоя на коленях, зарывшись пальцами в неприятно теплую землю. К лицу тянулись острия нескольких листьев, и Варламов отпрянул, будто увидев змею. Надо же, едва не поддался черному зову! Что-то странно притягательное таилось в Тёмных зонах, временами люди уходили в подобный сумрак, и больше их никто не видел.

Он кое-как встал и вернулся в аэровокзал. Долго мыл руки, потом сполоснул разгоряченное лицо, профилактика не помешает. Сирин всё спал, с улыбкой на помятом лице. Варламов снова сел и стал глядеть на самолет, он стоял за стеклянной стеной как нахохлившаяся птица. Вяло текли мысли: что он будет делать в этой Америке? А вдруг выучится, сделает блестящую карьеру и вернется в Россию?..

Облака выросли в башни, их движение походило на шествие белых ладей. Вот и первая тень накрыла аэровокзал. Сирин заворочался, спустил ноги на пол, и лицо стало озабоченным.

– Ну ладно, Евгений. Отдохнули, а теперь пора за дело. Надо искать машину.

Они вышли из аэровокзала, однако на стоянке не задержались. Сирин покачал головой:

– Эти все сгнили. Надо искать под крышей.

Стали заглядывать в пристройки, но тщетно. Наконец Сирин повернулся к ангарам и вздохнул: хотя по аэродрому плыли тени облаков, ангары стояли в более густой тени, ко-

торая не двигалась. Лимб, граница Тёмной зоны!

– Посмотрим там.

Варламов потащился следом и, войдя в тень, ощутил холодок. Наверное от страха, потому что температура в Лимбе и самих Тёмных зонах всегда была выше, чем снаружи. Впрочем, пребывание в Лимбе считалось относительно безопасным. Зато в первом же ангаре вместо самолета увидели с десятков автомобилей. Сирин повеселел:

– Хозяева улетели, но видно собирались вернуться. Только не пришлось.

Машины поблескивали в сумраке как новые. Варламову это было знакомо: вещи в Лимбе сохранялись лучше, чем в обычных условиях. Словно впитали неведомую энергию, которая законсервировала их. Зато пытаться оживить аппаратуру, побывавшую в самих Тёмных зонах, было бессмысленно: избыток энергии превращал электронные схемы в закопченное месиво.

Провозились долго. Варламову пришлось отыскать тележку и подвезти аккумулятор и канистры. За это время Сирин распахнул ворота ангара и, подняв капот первому автомобильному диву, стал копаться в моторе. Сначала чертыхался изредка, потом ругань потекла непрерывным потоком, но машина не отреагировала ни на пластиковую бутылку с бензином, ни на подсоединенный аккумулятор. Видимо, электрические цепи все же пострадали. Варламов хотел предложить идти пешком, но вспомнил зловещие заросли и закрыл

рот. И так казалось, будто что-то невидимое давит на плечи – это Тёмная зона касалась его, пока играючи...

Во второй машине мотор шумно провернулся. Обрадованный Сирин подсоединил бутылку с бензином, подкачал ручным насосом – и автомобиль завелся, но мотор стал давать сбои и заглох. Сирин сплюнул:

– Нет времени возиться. То ли раньше были карбюраторные.

Подкатил тележку со своим хозяйством к третьей машине, «Форду». Подсоединил всё, и машина внезапно завелась, мотор загудел мощно и ровно. Сирин даже ругаться перестал от неожиданности и быстро разъединил провода.

– Упокой, Господи, душу раба твоего, Генри Форда! – с чувством произнес он, вытирая со лба пот.

Варламов вздохнул: было что-то неестественное в легкости, с какой завелась машина, простоявшая в ангаре Бог весть сколько лет. Наверное, сказывалось зловещее колдовство Зоны. Но канитель на этом не кончилась: Сирин заливал бензин, масло, охлаждающую жидкость, а Варламов подкачивал шины. Наконец Сирин сел за руль, и «Форд» с рычанием прополз несколько метров.

– Ничего, доедем, – ухмыльнулся Сирин, вылез и стал закреплять под капотом новый аккумулятор вместо выброшенного.

Наконец все было готово. Сирин постоял, глядя на покинутый самолет. Глаза немолодого лысоватого мужчины были

печальны, словно расставался с любимой женщиной.

– Ладно, поехали, – буркнул он. – Садись за руль, Евгений.

Варламов устроился на сиденье и стал искать рукоять переключения передач. Севший рядом Сирин издал смешок:

– Тут ездили на автомате. Переводишь селектор в положение «D», и остаются тебе две педали – газ и тормоз. Да баранку не забывай крутить.

Руль слушался необычно легко – пару раз Варламов повернул слишком круто, но потом привык. Скоро кукуруза скрыла аэропорт с самолетом. Двигатель работал неровно: то ли бензин был неподходящий, то ли барахлили свечи. Не гасла надпись «check engine», однако автомобиль ехал. Варламов не разгонялся, хотя и хотелось скорее миновать кукурузный лес. Солнце прошло зенит и должно было палить нещадно, но дорога тонула в густой тени. Варламов поежился:

– Надо же, сели в Лимбе.

– Ну и ладно, – зевнул Сирин. – Зато в аэропорту никого, и машина в приличном состоянии.

Тёмные зоны – главная загадка минувшей войны! Даже ученые из университета Карельской автономии не понимали природы происшедших в них изменений. Ходили слухи, что не только животные, но и некоторые люди выжили там, только это были уже не люди... Так что стало приятно, когда дорога вырвалась на залитый солнцем перекресток. Шоссе налево уходило в сумрак Зоны, где угадывались городские

постройки.

– Мы сели в аэропорту Гринфилд, – Сирин глядел на поблекший указатель. – Жалко, нет карты. Тут вроде есть навигатор, но не работает. Ладно, нам по любому направо.

Дорога была непривычно широкой: две полосы в одну сторону и две в другую, пространство между ними заросло буйной травой. Варламов ехал медленно, жалея мотор, и указатель спидометра колебался у отметки «40» – не сразу вспомнил, что это не километры, а мили. Он попытался представить время, когда по всем четырем полосам неслись автомобили, но не смог. Казалось, шоссе всегда было пустынным, и всегда на него гневно смотрел ослепительный глаз солнца. Местность потихоньку менялась: поля сделались ухоженными, а потом проехали домик, перед которым на странной карусели сохло белье.

– Смотри! – оживился Сирин.

– Остановимся? – Варламову стало не по себе.

– Не стоит, – расслабился Сирин. – Доедем до какого-нибудь городка. Может, у них пиво есть. И сигаретами запастись надо. Авось долларов хватит. – Он похлопал по карману.

– Если такие еще ходят, – хмыкнул Варламов, несколько успокоенный беззаботностью Сирина.

Снова перекресток, дорог было заметно больше, чем на родине. Варламов повернул наугад, направо. Покрытие стало лучше, и вскоре показалось первое транспортное средство.

Варламов прибавил скорость, нагнал ярко-желтый автомобиль и стал его обходить. Выглядел автомобильчик забавно: вдвое короче «Форда», обтекаемой формы, и сильно смахивал на жука. За рулем сидел мужчина в костюме, на «Форд» поглядел удивленно.

– Ясненько, – бодро сказал Сирин, когда жук остался позади. – Похоже, электромобиль, выхлопной трубы не заметил. Сбылись мечты экологов.

Наконец показался город. Въезд перегораживали ворота, но открытые и без охраны. Зато имелся дорожный указатель с надписью «Anotherdale». «Другой дол», – автоматически перевел Варламов. Населения числилось 19 248 человек, вдоль улицы стояли незнакомые деревья с густыми кронами, а в глубине ухоженные домики. Кое-где на подъездных дорожках виднелись автомобили, похожие на давешнего жука. Различались только цветом: красные, синие, белые...

Сирин схватил его за руку: – Тормози, черт! Перекресток.

Варламов резко затормозил и глянул по сторонам, но других машин не было видно.

– Здесь у них светофоры. Ну вот, зеленый. Трогай, но езжай помедленнее.

Варламов пожал плечами: в Кандале было мало машин из-за проблем с бензином, так что обходились без светофоров.

Улица оставалась пустынной, попалося всего несколько прохожих, их «Форд» провожали взглядами. Сирин первым заметил вывеску «BAR & RESTAURANT».

– Стоп машина! Попробуем здешнего кофейку. А может, и пивка хлебом. Не забыл, как по-английски пиво, Евгений?

Варламов хмыкнул и подрулил к пустому тротуару. Помедлив, открыл дверцу и вышел. Подул ветерок, подняв над улицей немного пыли. Варламов с вздохом вошел – следом, сопя, двигался Сирина. Внутри оказалось чисто, вдоль окон стояли столики и стулья из красноватого дерева. Приятели сели поближе к двери.

Откуда-то выпорхнула девушка в голубом платье, белом переднике и с черными как смоль волосами. На миловидном личике выделялись фиолетовые губы. Сирина прямо впился в нее глазами. Официантка глянула на мятый тренировочный костюм Варламова и прошептала:

– Что будете, парни? – Разумеется, по-английски.

Возникло странное чувство, вот и пригодился язык. Как там герои делали заказ в одном фильме?..

– Два пива, по гамбургеру и чашке кофе, пожалуйста.

Официантка глянула на него с любопытством: – Занятный выговор. Вы с юга, ребята? А пиво какое?

Названий здешнего пива Варламов, естественно, не знал.

– Светлое, – вывернулся он.

Официантка исчезла и вернулась на удивление скоро. На подносе имелись две запотевшие бутылки с янтарной жидкостью, два внушительных бутерброда, бокалы и две чашки кофе. Сирина глядел, как она это расставляет, а официантка

кокетливо стрельнула в его сторону глазами. Едва она отошла, попробовал кофе – и с отвращением отставил.

– Такая же ячменная бурда, как у нас, – пожаловался он тихо. – Стоило лететь за шесть тысяч километров.

Зато от пива не оторвался, пока не вытянул все до капли. Грустно поглядел на пустую бутылку, и Варламов придвинул свою.

– Пей, я все равно за рулем.

Он жевал непривычно огромный бутерброд, запивал теплым невкусным кофе, и в голове теснились мысли: «А что дальше? Куда направимся? Что тут вообще делать будем?»

Чуждым показался этот опрятный ресторанчик, да и весь городок за его стенами. Другой дол... И в самом деле, все другое. Хорошо бы обратно в свою комнатку в Кандале. Но тут Сирин тронул за плечо:

– Спроси, есть у них настоящий кофе? Я сам стесняюсь. Произношение у меня швах, да и словарный запас кот наплакал.

Варламов механически перевел вопрос появившейся официантке. Та заулыбалась:

– Да вы миллионеры, ребята. И машина у вас, – онаглянула в окно, – давно такой не видала. Это будет стоить пятьсот монет.

У Сирина открылся рот. Он обвел рукой столик и на плохом английском спросил: – А за это сколько?

Официантка поджала губы и оглянулась.

– Триста, – сказала она заметно холоднее.

Вздыхнув, Сирин вытащил из кармана пачку купюр. Варламов с любопытством глянул: зеленоватые, с портретами бородатых господ – наверное, первых президентов. Сирин отсчитал требуемое количество и передал официантке. У той даже глаза расширились:

– Надо же, старые! Извините ребята, я пойду проверю.

Исчезла, а Варламов стал гадать, что она имела в виду? Но тут входная дверь отворилась, и по спине пробежал неприятный холодок. Вошел плотно сбитый мужчина с бляхой на груди, хорошо знакомой по фильмам – звезда шерифа. На поясе у мужчины и в самом деле висела кобура. Окружающее стало казаться нереальным, словно смотрел очередной американский боевик – с самим собой в качестве действующего лица.

– У тебя клиенты, Мэри? – спросил шериф у появившейся официантки. На Варламова с Сирином даже не поглядел.

– Какие-то приезжие, Боб. – В голосе официантки слышалось облегчение. – Представляешь, расплатились старыми. Но на гробокопателей не похожи, деньги чистые.

Шериф повернулся к двум приятелям, неторопливо подвинул стул и сел. Потом положил ладони на колени и наклонился вперед. Лицо у него было круглое, добродушное, и таким же добродушным голосом он спросил:

– Вы откуда, ребята? Покажите свои гражданские карточки.

– Наверное, с юга, – подала голос официантка. – У этого, помоложе, южный выговор. Когда я была...

– Помолчи, Мэри! – недовольно отрубил шериф. – Итак, гражданские карточки. И где взяли машину? Номерной знак штата Иллинойс, сейчас такие не действуют.

Варламов прекрасно все понял, разобрать речь в фильмах бывало труднее. Надо было отвечать, а они заранее ничего не придумали. Так что вздохнул и скучно сказал:

– Нет у нас никаких карточек. Мы из России. Прилетели на самолете в Гринфилд, взяли там брошенную машину и заехали сюда кофе попить. Извините, но виз нет. Получить их у нас негде.

Лицо шерифа почти не изменилось, только карие глаза потемнели, да верхняя губа приподнялась в нехорошей усмешке. Варламов обратился к Сирину по-русски:

– Миша, скажи что-нибудь.

– Все так, – подтвердил Сирин на ломаном английском. – Туристы мы. – И добавил, тоже по-русски: – Неужели непонятно, елки-моталки?

К шерифу вернулся добродушный вид, самообладания ему было не занимать. Он кивнул Варламову:

– А откуда язык знаешь, парень?

– Мать научила, – вздохнул Варламов. – Она у меня из Южной Каролины. Застряла в России, когда все это началось... – он неопределенно повел рукой.

– Я же говорила... – радостно встряла Мэри. Шериф обо-

рвал ее движением руки.

– Ладно, ребята, – задумчиво произнес он. – Я вынужден вас арестовать. Незаконная иммиграция, так это вроде называлось. Но если накурились и несете всякую чушь... – тут он поднес здоровенный кулак к носу Сирина, – это для вас плохо кончится. Пошли! Идите вперед, руки за голову. Не делайте резких движений.

Он вывел их из ресторана. Рядом с «Фордом» стояла полицейская машина с мигалкой. Шериф заставил положить руки на крышу и сноровисто обыскал. Из кармана Сирина извлек пистолет и, внимательно осмотрев, отправил в собственный карман. Потом вытащил футляр, похожий на портсигар и, не глядя, сунул туда же. Открыл заднюю дверцу:

– Залезайте. Только не вздумайте безобразничать, оглушу из парализатора. Слава богу, законы у нас сейчас простые.

Он не надел им наручников, но задние места были отделены прозрачной перегородкой. Закрыв дверцу, шериф обошел машину и сел за руль. Нажал что-то на передней панели и сказал приглушенным голосом:

– Сэм! Сгоняй-ка в Гринфилд. Там может стоять чужой самолет. Если найдешь, – шериф покосился назад, – то вызывай военных и жди. Полетят чьи-то головы. Если самолета нет, дуй назад. Успеешь до темноты.

Он помолчал, а потом рассмеялся:

– Чей самолет? Русский, если наши новые приятели не врут. Добрались-таки до нас. Ладно, давай поскорее.

Он что-то переключил:

– Ник! Подъезжай к ресторану Поллака и забери «Форд»... Да, из старых, на бензине. А то наша шпана мигом угонит... Скорее всего из Лимба, так что сразу в могильник.

Машина тронулась и уже через несколько минут свернула к широко раскинувшемуся зданию со словом «HOSPITAL» на фронтоне. Странно, что не полицейский участок. Остановились у бокового входа. Шериф препроводил обоих в большую комнату, похожую на приемный покой больницы, но с решетками на окнах. Там передал двум крепким мужикам в синих халатах – наверное, санитарам.

– Обработайте их, ребята. И проверьте, нужен ли карантин?

Сам ушел, а Варламову и Сирину приказали раздеться догола, сложить одежду в пластиковые корзины, потом затолкали в душевую, где четверть часа обдавали водой с запахом дезинфекции. Затем вода перестала течь, поток горячего воздуха высушил тело, дверь открылась, и им кинули новую одежду – пижамы из желтоватой ткани. Варламов не успел натянуть штаны. Его опрокинули на холодный скользкий стол и вкатили укол в зад. Потом санитар перетянул руку и набрал кровь из вены – видимо, на анализ.

Варламов хмуро встал. Сирин был не так покладист – когда его хотели повалить на стол, оскалился и саданул американца кулаком в скулу. Здоровяк в синем халате выругался, а Сирин победно крикнул: «Врешь, нас не возьмешь!», и раз-

вернулся ко второму.

Тот флегматично снял с пояса дубинку и огрел воинственного Сирина по голове. Варламов дернулся, но тоже получил болезненный тычок в бок. Сирина забросили на стол и повозились со шприцем. Потом санитары отошли, и получивший по скуле стал опрыскивать больное место из баллончика.

Так гостеприимно встретила двух приятелей Америка.

Варламов поспешил к столу, но Сирин зашевелился и сел сам. Тут же застонал и коснулся головы.

– Черт! – прошипел он. – В нашей КПЗ хоть просто в морду бьют, а тут сразу дубинками.

Раздвинулась прозрачная перегородка, и санитары красноречиво потыкали дубинками в сторону камеры из металлических прутьев. Приятели вошли, и решетчатая дверь камеры закрылась.

– Ну и ну, – фыркнул Сирин, садясь на койку. – Обращаются, как со зверями в зоопарке. Всех так обрабатывают, или только нам такая честь? Боятся, что занесем заразу в их Америку.

– Да ладно, – угрюмо сказал Варламов, разглядывая камеру. Сквозь решетку было видно, как санитары пьют что-то из кружек. – Это наверное карантин. Интересно, сколько нас продержат?... А нашей КПЗ я так и не видел.

– И немного потерял. – Сирин как будто пришел в себя и, надев пижамную куртку, лег на койку.

Варламов тоже прилег и чуть было не рассмеялся: матрац

был мягче, чем на кровати дома... А нервишки-то разгулялись.

– Интересно, что с нами сделают? – спросил он.

Сирин хмыкнул:

– Известно, чего. Посадят в тюрьму, или будут возить по Америке в клетке, чтобы местные поглазели на русских. И зачем сюда прилетели?

Да уж... Но Варламова стало клонить в сон – наверное, сказывалась потеря крови и напряжение последних часов.

Незаметно он задремал, и опять привиделась река – но не черная, из-за которой мать помахала рукой, а сверкающая под солнцем. Он забрасывал удочку в заводь, поплавок повело, и Варламов подсек. Раздался всплеск... И перешел в лязг открываемого замка.

Варламов с трудом разлепил глаза – похоже, проспал довольно долго.

В проеме двери стоял шериф, а за ним двое в серых костюмах. Вспомнились слова Сирина, и по телу пробежал холодок: неужели повезут в тюрьму?.. Ну и сволочь этот Сирин, затащил в страну, где должны ненавидеть русских!

– Выходите! – в голосе шерифа проскальзывали юмористические нотки. – Это надо же, русский военный самолет в сердце Ил-Оу! У вас случайно ядерной бомбочки на борту нет, ребята? К сожалению, самолет наверное конфискуют. Военные в бешенстве, прислали за вами специальный вертолет из Колумбуса.

Варламову полегчало, тюрьма как будто откладывалась. Приятно было и то, что понял речь шерифа до последнего слова. Тот стоял, подбоченясь, а двое санитаров с ухмылками наблюдали за сценой. Маски они уже сняли: видимо, провели анализы и сочли гостей не заразными.

Двое в сером ничего не сказали, только отодвинулись. Санитар принес одежду, в тех же корзинах, но мятую и с запахом дезинфекции. Пока приятели переодевались, шериф продолжал болтать:

– Думал, вы меня разыгрываете. Или накурились. У нас по границам Тёмных зон в рост пошло такое, что куда там прежней травке. Ник чуть не ошалел, когда увидел ваш самолет. Минут пять ощупывал, словно бабу. Теперь сидит, ждет военных из Колумбуса.

Когда закончили одеваться, шериф махнул в сторону выхода. Сели в ту же машину, но перегородку шериф опустил. Один в сером костюме сел рядом с шерифом, а другой сзади, толкнув Варламова локтем и обдав запахом хорошего одеколona. Приезжие из Колумбуса неприязненно молчали.

– Закуривайте, – шериф протянул назад пачку сигарет.

Сирин выхватил одну. Варламов отказался.

Они поехали, быстро проскочив несколько улиц. На приборной панели замигал зеленый огонек, и приятный женский голос сказал:

– Боб, явись ко мне. Вместе с задержанными.

– Есть, мэ. – Шериф повернул голову к человеку в се-

ром костюме и ухмыльнулся. – Слышали? Вертолету придется подождать.

– У нас приказ губернатора, – раздраженно отозвался тот.

– А у меня моего начальства, – пожал плечами шериф. – Начихать мне на губернатора, я не от него жалованье получаю.

Он свернул, и вскоре машина остановилась перед белым зданием с колоннами. Над колоннами свисал американский флаг со звездами и полосами, а по фронтому шла надпись золотыми буквами: CITY HALL.

– Мэрия, – шериф выключил двигатель. – Пошли, ребята, я вас представлю.

Сначала из машины выбрались серые костюмы, потом Сирин с Варламовым. Поднялись по лестнице, удивил простор, обилие мрамора и безлюдье. В приемной шериф кивнул девушке за компьютером, а та вежливо улыбнулась приезжим из Колумбуса:

– Джентльмены, вас просят подождать. Боб, тоже останься.

Шериф пожал плечами и плюхнулся в кресло. Двое в сером недовольно сели у входа. Девушка с любопытством глядела, как Варламов топчется у двери – та просто отодвинулась, когда подошел ближе. Из-за стола поднялась женщина средних лет в бежевом костюме. Голубые глаза внимательно оглядели Варламова и Сирина, она первой подала руку:

– Хелен Роузвотер, мэр Другого дола.

Имя Евгений она выговорила с трудом, так что Варламову пришлось назваться на американский манер – Юджином. Сирина из Михаила перекрестил в Майкла.

– Садитесь. – Хелен повела рукой с ухоженными ногтями на кресла. Затем положила подбородок на сплетенные пальцы, улыбнулась, и на миг показалась юной девушкой.

– Ну, рассказывайте! – потребовала она. – Как вы оказались в моем городе?

Рассказывать пришлось Варламову. Несколько раз он сбивался, смущенный пристальным взглядом женщины-мэра, да и слова порой подбирал с трудом, не привык говорить по-английски. Иногда Хелен задавала вопросы. Конечно, спросила: откуда так хорошо знает язык?..

Когда Варламов дошел до событий на базе, покосился на Сирина. Тот, видимо, улавливал суть рассказа, так как подмигнул приятелю.

– Рыба ищет, где глубже, – сказал он по-русски, – а человек, где лучше. Надоело сидеть на одном месте, вот и решил взглянуть на Америку. А тебя уговорил лететь переводчиком.

Варламов перевел, хотя и с чувством неловкости за явную ложь. При упоминании о рыбе Хелен слегка нахмурилась, а потом внимательно поглядела на Сирина. Наконец Варламов довел рассказ до конца: как стали расплачиваться в кафе, и вошел шериф...

– Не ожидал, что чашка кофе будет стоить полтысячи дол-

ларов, – вставил Сирин. Наверное, он долго обдумывал фразу и произнес гладко.

Хелен рассмеялась:

– Инфляция. Да и настоящий кофе теперь редкость. Поставок с Кубы недостаточно, а китайцы перепродают дорого.

Голос прозвучал музыкально. Она откинулась на спинку кресла и, повернув голову к окну, где начало темнеть небо, продолжала:

– Ну, хорошо. Посидите в приемной, а я поговорю с Бобом.

Приятель вышел из кабинета. Двое в серых костюмах не повернули голов, но было заметно, что искоса поглядывают. Девушка за компьютером кивнула шерифу, тот встал и развалистою походкой скрылся за дверью. Варламов мрачно разглядывал мебель. Скорее всего, придется коротать ночь в тюремной камере. Хорошо, если не годы.

Шериф вышел через пять минут, широко улыбаясь:

– Ребята, да вы ходячий юридический казус! Столичные власти хотят, чтобы вас препроводили в Колумбус. Незаконный въезд, угроза национальной безопасности и так далее. А наш мэр считает, что для ареста нет оснований. Как же с вами поступить, а?..

Варламову вспомнилась любимая поговорка отца: «Повинную голову топор не сечет». Он сказал покладисто:

– Сэр, я не знаю американского законодательства. Но готов признать, что мы очутились здесь незаконно. Мы подчи-

нимся любому решению властей.

Шериф расхохотался:

– Вот законопослушный молодой человек! Такого и в тюрьму сажать жалко...

– Эй! – вскочил один в сером костюме. – Вы что, не собираетесь выполнять распоряжение губернатора?

Шериф подбоченился, ситуация явно доставляла ему удовольствие:

– Поправка Бьюкенена, принятая после Реорганизации: если распоряжения мэров на территории их компетенции не нарушают Конституцию Соединенных Штатов, они могут быть отменены только в судебном порядке. Поскольку местная власть не предъявила обвинений, наши гости свободны. До свидания, джентльмены, и привет губернатору.

Джентльмены мрачно переглянулись, а один сказал:

– Ладно. Только вы много себе позволяете. Еще увидимся.

Оба разом повернулись и вышли. Варламов вздохнул с облегчением.

– А теперь давайте познакомимся, – ухмыльнулся шериф. – Боб Хопкинс.

Ладонь у него была большая, а хватка вроде добродушная, но цепкая. Русские имена и ему дались с трудом, так что пришлось опять назваться Юджином и Майклом.

– Вы не вернете мой портсигар? – обыденным тоном спросил Сирин.

– Что? – не сразу понял шериф. Потом сунул руку в кар-

ман и, достав футляр, протянул Сирину. Похоже, в него и не заглядывал. Да, хорошее самообладание у Сирина.

– Пистолет лежит у нас, пока не оформите разрешение. Мне пора. Ваши вещи я оставляю в холле, а мэр вас еще вызовет. – И шериф ушел, что-то насвистывая.

Через некоторое время приятелей опять пригласили в кабинет. Хелен задумчиво смотрела на них, от благодарности Варламова отмахнулась:

– Сейчас нет такой бюрократии как раньше, и я могу принимать решения самостоятельно. У вас выдался нелегкий день, надо оформить бумаги и устроить куда-нибудь. Вряд ли наскребете денег на отель... Салли! – обратилась она в пространство. – Отпечатай пару бланков для въезда в страну. И узнай, нужны ли таможенные декларации?

Она улыбнулась Варламову:

– Вообще-то это компетенция служб в Колумбусе, но отсылать вас туда не хочется. Начнется бюрократическую канитель и еще неизвестно, где окажетесь. Вы надолго в Штаты?

Варламов пожал плечами:

– Самолет нам вряд ли вернут. А если вернут, так дома посадят за угон. Так что, похоже, надолго.

– Ну и хорошо. Наш город относится к благополучным, так что жить здесь едва ли тяжелее, чем в России.

Мэр перестала улыбаться, и словно тень легла на красивое, но несколько увядшее лицо. Теперь оно не казалось

ЮНЫМ.

– О России, надеюсь, мы еще поговорим. Идите, заполняйте бланки, а я узнаю, где вас можно разместить.

В приемной белокурая девушка-секретарша вытащила из принтера два бланка. Варламову пришлось вписывать ответы и за Сирина. Таких документов он прежде не видел, и заполнять их было любопытно. Без труда одолев пункты с первого по шестой, он застрял на седьмом – «аэролиния и номер рейса». Помог компьютер: Салли поводила пальчиком по дисплею, и тот высветил – «специальный рейс». Так и записали.

В пунктах о месте и дате выдачи визы поставили Другой дол и день нынешний.

– Конечно, власти в Колумбусе могут это оспорить, – деловито пояснила Салли. – Могут даже обратиться в суд Территории, чтобы аннулировать разрешение мэра, а вас посадить в тюрьму за незаконный въезд. Но они редко вмешиваются в распоряжения мэров.

Пункт об адресе проживания Салли посоветовала пока не заполнять. После названия города следовало: «Территория Ил-Оу». Кажется, слышал это название по телевизору.

– А что это такое? – удивился Варламов. – Раньше были штаты. Моя мать, например, родом из Южной Каролины.

Салли похлопала ресницами:

– Штатов нет со времени Реорганизации. Некоторые почти вымерли, как Мичиган и Висконсин, а в других населе-

ние сильно убавилось. Поэтому штаты объединили в Территории. Наша включает бывшие штаты Иллинойс, Индиану и Огайо, поэтому и называется сокращенно Ил-Оу. Столица в Колумбусе, там наш конгресс и правительство. К западу лежит Территория Мин-Айоу, а к востоку Пенси-Мэр...

Салли вздохнула, и на этом краткий урок географии закончился.

– Хм, – Варламов стал заполнять таможенную декларацию.

Затруднения вызвал вопрос: был ли кто на ферме или ранчо вне пределов США (название страны, похоже, не изменилось) в течение последних 30 дней? Варламов с Сирином решили, что окрестности Кандалы на ранчо ходят мало, и написали «нет». На следующий вопрос – есть ли у кого сумма, превышающая 500 000 долларов? – тоже с чистой совестью ответили «нет»...

Наконец бумаги были оформлены, и оба снова предстали пред очи мэра. Хелен устало улыбнулась:

– Все устроено, мне даже не пришлось звонить самой. О вас сообщили по радио, и я получила с десятков звонков. Восемь человек предложили погостить у них. Двое сочли более подходящим местом городскую тюрьму. Я решила, что вы предпочтете первое.

Она снова улыбнулась, хотя не так весело, и продолжала:

– Две пожилых леди не откажутся от помощи по дому, а один скучающий джентльмен хочет увидеть живого русско-

го. Кто из вас лучше справится с ремонтом?

– Я! – просиял Сирин.

– Тогда поедете со мной. А вы, – она глянула на Варламова, – подождите внизу. За вами приедут.

На этом аудиенция закончилась. Приятели спустились в холл, забрали пожитки, оставленные шерифом, и вышли на крыльцо. Сирин вытер лоб и мрачно сказал:

– Кажется, обошлось. Я думал, нас ждет кутузка. То ли ты ей понравился, то ли из-за твоей матери за нас вступилась... А про бойню на базе никому не рассказывай, темное это дело. Говори, что я пригласил тебя переводчиком. Или заставил лететь под дулом пистолета – как хочешь.

К крыльцу подкатил большой автомобиль, за рулем сидела Хелен. Она поманила Сирина, тот вздохнул и, сунув на прощание руку, скрылся в машине. Они уехали, и Варламов остался один. Солнце скрылось за розовыми облаками, потемнела зелень деревьев.

Навалилось чувство одиночества: всю жизнь провел в Кандале, а тут чужой город, чужая страна, другой край Земли... Вдобавок мучил голод, давно миновал час, когда дома собирались на ужин. В Кандале уже ночь. Он сглотнул и уставился на пустую улицу. Послышалось жужжание, из-за кустов появился желтый автомобильчик. Свернув, неспешно подъехал к крыльцу. Дверца открылась, из автомобиля вышла девушка в мешковатом брючном костюме. Варламов отметил рыжие волосы, выдвинутый подбородок и длиннова-

тое по русским меркам лицо.

Она неприязненно поглядела на Варламова:

– Хай! Это ты Юджин?

Удивленный, он кивнул.

– Садись! – Не дожидаясь ответа, девушка села обратно в машину.

Варламов нехотя поднялся со ступенек. На душе стало муторно, и занесло же сюда!

Дверей было две – по одной с каждой стороны, – и внутри оказалось теснее, чем в «Форде». Варламову пришлось поджать ноги. Девушка тронула резко, так что голова дернулась назад. Когда стали выезжать на улицу, он повернулся глянуть, нет ли других машин, а заодно рассмотреть свою спутницу.

Подбородок оказался действительно великоват, скулы выдавались, а волосы были рыжеватые и кого-то смутно напомнили... Глаза красивые, зеленого цвета, но неприязненные, что для Америки вроде бы нетипично. Даже мать Варламова, хотя ей пришлось нелегко в чужой стране, улыбалась чаще русских женщин.

«Ну, погоди», – усмехнулся он про себя и с лучшим каролинским прононсом, какой смог изобразить, спросил:

– Как вас зовут, леди?

Автомобильчик рыскнул, и в косо брошенном взгляде девушки промелькнула растерянность.

– Джанет.

Но больше не произнесла ни слова, не очень походило на обещанное Хелен гостеприимство. Вскоре свернули на подъездную дорожку, в конце стоял белый двухэтажный дом, и большие деревья раскинули ветви над ним.

– Как называются эти деревья? – спросил Варламов, когда машина остановилась.

Джанет глянула с удивлением: – Дубы.

Интересно, она когда-нибудь подряд два слова скажет? Варламов вышел и стал разглядывать могучие деревья. Джанет тем временем загоняла автомобильчик в гараж.

Сегодня было лучше, он не чувствовал ломоты в костях и ходил по веранде дольше обыкновенного. Хотя сознавал, что со стороны выглядит комично – согбенная фигура, вихляющая из-за непослушных ног походка. Ничего, надо преодолеть боль, надо бороться за послушность тела, за жизнь. Новости по радио слишком взволновали его, чего он ждет от объявившихся в Ил-Оу русских? Все унесли воды Леты. Все же он позвонил Хелен, и теперь откинулся в кресле, ощущая на лице теплый солнечный свет.

И незаметно снова стал молодым и здоровым – ноги несли его даже чересчур быстро, словно плыл над забитыми илом улицами, утонувшими автомобилями. А впереди все жутко горело – это плавилась в закатном огне остатки стеклянной одежды небоскребов. Он узнал мертвый Нью-Йорк, бывшую столицу мира – гибель настигла его, когда в пароксизме пер-

вых минут войны по всему миру были атакованы русские подлодки и одна, уже идя ко дну, выпустила ядерные мины. Произошло это случайно, или командир лодки отдал последний приказ – никто уже не узнает. Стометровая волна радиоактивного кипятка накрыла город и смела все на километры от побережья...

Все гуще становились вечерние тени, холоднее воздух, погас этот адский свет, а он все неся над улицами в бесплодном поиске. Кого или чего он искал?..

Он очнулся. В оконных стеклах отражался закат, похолодало. Перед верандой остановилась машина Джанет, кто-то вышел. Он прищурился, стараясь разглядеть получше, и холодок разочарования пробежал по спине... Наконец заставил себя говорить.

– Молодой человек! – послышалось со стороны дома.

Варламов обернулся: с веранды махали рукой. Он поднялся по ступенькам. В плетеном кресле сидел мужчина в зеркальных очках и с ежиком седых волос. Еще не старый – лицо выглядело даже моложаво, хотя была в нем странная окаменелость черт, словно этому человеку пришлось увидеть что-то невыразимо страшное, и лицо навсегда застыло, сохранив маску горечи и упрямого достоинства.

Варламова приучили к вежливости еще с детства, отец пару раз самолично отхлестал ремнем: первый раз – когда сын нагрубил незнакомцу, а второй – когда для забавы на-

устькал на старушку собаку.

– Добрый вечер, сэр, – сказал он. – Меня зовут Юджин, и я только что прилетел из России.

Мужчина снял очки. Света еще хватало, и было видно, что глаза у него серо-зеленые, хотя и тусклее, чем у Джанет. Одно веко подергивалось, вероятно поэтому мужчина и носил очки. Не вставая, он протянул руку. Пожатие было крепким, но слова дались с трудом:

– Грегори Линдон, полковник в отставке. Извините, что не встаю – памятка о войне. Не думал, что доведется пожать руку русскому. Это я выпросил вас у Хелен: хотел узнать о России, как говорится, из лошадиного рта...

– Из чего? – уныло переспросил Варламов. Уже не раз сегодня слышал непонятные выражения, а еще думал, что хорошо знает английский...

– Это значит, из первых рук... – затрудненно улыбнулся Грегори, продолжая разглядывать Варламова.

Вряд ли это тот, о ком я просил... Господи, есть ли ты на свете? Я долго не верил в тебя, но когда попросил о помощи, ты откликнулся. Ты оставил мне жизнь, одному из всей команды. И с тех пор я жду, что ты выполнишь и другую мою просьбу. Я жду давно. Но это не тот человек. Это просто зеленый юнец. Он ничего не знает. Он ничего не значит. Неужели мне придется ждать и дальше?.. Наверное, я обманываю себя, и тебе безразличны земные дела.

– Дядя, потом поговорите. – Джанет поднялась на веранду. – Пора обедать. Наш гость наверное проголодался.

Она помогла дяде встать и, придерживаясь за ее плечо, тот заковылял к двери. Походка была странной, вихляющей. За дверью оказалась не прихожая, а сразу гостиная – обширный зал с ведущей наверх лестницей. Но сначала Джанет проводила Варламова в ослепительно чистую ванную.

Отдельной кухни не было, сели в углу гостиной: зеленая лужайка под окнами, красные уголки цветов. Вместо привычной по дому трески перед Варламовым поставили тарелку с ломтиками чего-то желтого и ароматного. Не то фрукт, не то овощ – на вкус нежно-сладкий и звался дыней. Курицу подали в столь остром соусе, что пришлось открыть рот, чтобы его остудить. Варламов испытал легкую панику, видя, как Джанет разделяет курицу ножом и вилкой, дома обходились руками. Он попытался копировать девушку, вспомнил при этом, и ему показалось, что та слегка улыбается... Под конец Джанет подала мороженое, дома Варламову это лакомство доставалось редко.

– Спасибо, – пробормотал он, едва не облизываясь. – Все очень вкусно.

Джанет улыбнулась, в первый раз за сегодня, хотя все равно хмуро, а ее дядя поинтересовался, складывая салфетку: – А что едят обычно в России?

Варламов с досадой оглянулся на свою салфетку, которой

забыл воспользоваться.

– Я знаю только про Карельскую автономию. Рыбу... – Он снова ощутил во рту вкус надоевшей трески. – Еще картофель и мясо, а фрукты привозные, из южных автономий. Летом пекут пироги с грибами и ягодами.

Тут Грегори задал неизбежный вопрос:

– А откуда вы так хорошо знаете язык, юноша? У вас даже южный выговор.

Варламов вздохнул.

– У меня мать американка, – нехотя начал он, в третий раз за сегодня. – Родом из Южной Каролины. Приехала в Россию еще до войны, с христианской миссией...

Закончив, он ненароком глянул на Джанет: ее глаза были широко открыты и чуть не светились зеленым пламенем. Она тут же опустила их, и Варламов заметил, что в комнате стало темнело.

– Завтра наговоритесь, дядя, – тихо сказала Джанет. – Гости положим спать наверху. – Мельком глянула на Варламова: – Пойдем, покажу твою комнату.

Он последовал за девушкой вверх по лестнице, затем по коридору. Джанет открыла дверь в большую комнату. Вдоль стен стояли широкая кровать, комод и шкаф; дубы тянули черные ветви к окну. Вспыхнул свет, и дубы спрятались в темноту. Открыв комод, Джанет побросала на кровать постельное белье.

– Спокойной ночи.

Варламов сел на кровать, вдохнул запах свежих простыней и попытался унять калейдоскоп в голове: нападение на базу, сумасшедший перелет, мертвый Чикаго, аэропорт в Лимбе, чужая страна, чужой город, чужой дом... – все обрушилось на него за один непомерно долгий день. По телу прошел озноб, приключения могли кончиться гораздо хуже: схватил бы случайную пулю, самолет сбили или разбился при посадке, попал бы в тюрьму... Он содрогнулся и пошел в ванную.

С трудом разобрался в кранах, разок его обдало ледяной водой, зато потом понежился в горячей воде – редкое удовольствие дома. Накинул махровый халат и вернулся в спальню. Другой смены белья у него не было, но на кровати лежала пижама. Поколебавшись – Марьяна его такими глупостями не баловала, – Варламов облачился в нее и долго искал выключатель, пока не догадался тронуть пластинку в стене. Свет погас, темнота и шелест деревьев хлынули из-за окна.

Дважды за этот день для Варламова наступало утро, но наконец и его настигла пришедшая вслед за их самолетом ночь.

Она приготовила таблетки на ночь для дяди, прошлась по гостиной. Все убрано, входная дверь на замке. По лестнице поднялась медленнее, чем обычно: второй этаж больше не принадлежал ей одной. Косо глянула на закрытую дверь,

сколько придется терпеть новое соседство? Неуклюжий, не подстриженный и плохо одетый молодой человек вызывал раздражение.

Что поделаешь, такова дядина прихоть...

Войдя в ванную, брезгливо перевесила мокрое полотенце. Придирчиво посмотрела в зеркало: кожа лица светлая, даже бледная, и осталась довольна. К ее досаде, на вешалке не оказалось привычного халата – наверное, надел тот русский.

Прошла в свою комнату и, не включая лампы, встала у окна. Слабый свет падал на лужайку, и красные огоньки цветов выглядывали из темноты. Она улыбнулась им – ничего, все пройдет.

«Как и твоя жизнь», – глумливо сказал в голове чей-то голос. Она содрогнулась, от окна словно потянуло холодом.

«Не думай об этом!» – приказала себе. Надев любимую ночную рубашку, легла в постель и по детской привычке помолилась, свернувшись в калачик.

Что ей оставалось делать еще? Мы не знаем, что принесет случайный гость – доuku или бесконечную дорогу, полную страданий, ужаса и любви. Эти три слова часто означают одно и то же...

3. Другой дол

Утром вставать не хотелось: он не дома, а в чужой стране. Потом раздался резкий голос Джанет:
– Юджин, вставай! Пора завтракать.

Снова покрикивают, только уже по-английски! Варламов нехотя поднялся и пошел умываться. Уныло поглядел в зеркало: волосы взлохмачены и в глазах бы побольше уверенности. Наконец спустился в гостиную. Из-за стола помахал газетой Грегори:

– Тут про вас!

На первой странице большая фотография, в самолете угрожающего вида Варламов не сразу узнал родной «СУ-34». Буквы заголовка кричали:

«РУССКИЕ В ИЛ-ОУ! ШПИОНЫ? ДИВЕРСАНТЫ? ТУРИСТЫ?».

– Ничего страшного, – на лице Грегори сложилась улыбка. – Газетчики, сенсация их хлеб. Скоро и до вас доберутся.

Джанет обернулась от плиты и скептически оглядела Варламова. Она выглядела элегантнее, чем вчера: желтая блузка эффектно оттеняла волосы.

– Надо переодеться, – в голосе скользнуло пренебрежение. – А то репортеры потешатся, будешь выглядеть на снимках как парень из деревни.

Варламов смолчал. Джанет отвела его в гардеробную, где висело на удивление много одежды: костюмы, рубашки, даже военная форма.

– Это все дядино. Сейчас ему мало что нужно. Выбирай.

Она ушла, а Варламов отыскал костюм, который был почти впору, и стал перебирать рубашки. За спиной фыркнули – это Джанет увидела Варламова в одних трусах. Бросив на

стул какой-то пакет, отодвинула в сторону все рубашки, кроме одной, и вышла. У Варламова загорелись щеки. В пакете оказалось белоснежное мужское белье, такого у него еще не бывало. Он торопливо переоделся и глянул в зеркало.

И оторопел: на него смотрел почти незнакомец в элегантном сером костюме и голубой рубашке. Только в глазах застыла тоска.

Когда он вернулся к столу, Джанет уже не было, донесся только звук отъехавшего автомобиля. Грегори поглядел с одобрением:

– Девочка знает толк в одежде. Не думал, что этот костюм еще пригодится. Садись, поешь.

Завтрак был непривычный: овсянка, апельсиновый сок и ароматный кофе. Дома такого кофе пить не доводилось.

– Настоящий, – криво улыбнулся Грегори. – Иногда я себя балую.

Не успел Варламов допить кофе, как из-за окна снова слышалось жужжание – подъехала машина, а потом еще одна. Несколько человек, увешанных сумками, стали подниматься на веранду.

– Репортеры, – покачал головой Грегори. – Потерпи, Юджин. И постарайся быть доброжелательным. Это их работа.

Репортеры повели себя бесцеремонно, расположились как у себя дома. Варламов забился в угол дивана, а на него нацелили камеры и закидали вопросами. Пришлось рассказать и об отце градоначальнике, и о маме из Южной Каролины, и о

жизни в Кандале, и о перелете... В ответ на вопрос: «Зачем они прилетели в Америку?», Варламов пожал плечами.

– Давно хотел вашу страну повидать, и тут случай представился.

– Как вам понравился Другой дол и вообще Америка? – спросил другой репортер.

– Ну, Америки я толком не видел, – ответил Варламов, – а городок понравился, чистый и аккуратный.

– Покажите, откуда вы прилетели. Как сейчас выглядит Россия?

Варламову подсунули планшет (похож на обычный игровой), где высветилась карта. Пришлось дать небольшой урок географии, к счастью любил ее в школе.

– Мы прилетели из Карельской автономии, – показал он на дисплее. – Она включает Карелию и Кольский полуостров, население около полумиллиона человек. Я вырос в Кандале – это портовый город на берегу Белого моря. Со столицей в Петрозаводске нас соединяет водный путь. Связь с остальной Россией только воздушным транспортом, железная дорога перерезана Тёмной зоной...

Варламов вздохнул, вспомнив зловещий сумрак, куда уходила дорога в паре десятков километров от Кандалы, затем продолжал:

– На юго-восток лежит Архангельская автономия, там климат мягче, и людей живет больше. Дальше к югу идет Московская автономия. Довольно густо населена, развитая

промышленность. Сама Москва необитаема, часть лежит в Тёмной зоне, часть разрушена во время войны... Про южные автономии я знаю мало. Кажется, наиболее развита Южно-россия со столицей в Сталинграде.

– Согласно китайским источникам, – вступил другой репортер, – демократия в России отсутствует. В Московии диктатура.

Варламов хмыкнул.

– Про Московскую автономию говорят разное. Одни – что там порядок, а другие – что диктатура. У нас вроде как демократия. Выбираем губернатора Автономии, а тот назначает градоначальников. На них можно жаловаться. Отец говорил, что все на свете имеет хорошую и плохую стороны. От войны Россия сильно пострадала, зато власть спустилась ближе к народу.

Другой репортер поинтересовался:

– А как вы уживаетесь с китайцами?

– Да никак, – скучно ответил Варламов. – Они к нам не суются. То ли холодно, а они этого не любят, даже летом в теплом белье ходят, то ли им хватает. Присоединили часть Сибири, где их и так было больше, чем русских, а целиком захватили только Туркестан, там полезных ископаемых на сто лет хватит. Торгуем понемногу, вот и все.

– А может, вы китайский шпион? – очаровательно улыбнулась корреспондентка с фиолетовыми губами (сразу вспомнилась официантка в кафе). – Полетели проверить на-

шу противовоздушную оборону?

Варламов поморгал, а потом рассмеялся:

– Ну да, я шпион. Специально прилетел, чтобы посидеть в американской кутузке. Тут даже койка удобнее, чем у меня дома.

Репортеры тоже посмеялись и стали дружелюбнее. Рассмешить их ничего не стоило, и Варламов немного расслабился, но все равно, когда наконец гурьбой повалили к выходу, почувствовал себя выжатым. Из-за двери выглянул прятавшийся от репортеров Грегори.

– Заходи, Юджин, – помахал он очками.

Комната Грегори оказалась небольшой: стол с компьютерным дисплеем и кучей журналов, по-армейски тщательно застеленная кровать, а на стене громоздкое оружие, похожее на автомат-переросток. Проследив взгляд Варламова, Грегори улыбнулся:

– Как ты думаешь, что это такое? Возьми в руки, не бойся.

Против ожидания, автомат оказался не тяжелее двустолки, с которой Варламов хаживал по лесам вокруг Кандалы.

– Стреляет гиперзвуковыми пулями, – с гордостью объяснил Грегори. – Летят втрое быстрее звука, можно танк расстрелять. Таких мало выпустили, оружие дорогое и не очень практичное... Выпей-ка виски, Юджин, а то у тебя вид замученный. И зови меня просто Грегори, без всяких там «сэров».

Варламов осторожно повесил автомат и взял стаканчик с

желтоватой жидкостью. Вкус показался маслянистым, горло слегка обожгло. Грегори махнул рукой на стул, и Варламов сел, чувствуя, как по телу расходится приятное тепло.

– Джанет вернется не раньше пяти, – продолжал Грегори, – есть время поболтать. Послушай, Юджин, так из-за чего началась та чертова война? Что говорят об этом в России?

Варламов поставил стаканчик на край стола. Историей интересовался мало, так что просто повторил слова Сирина.

– Я слышал, что началось с диверсии против наших спутников. Включились установки «чёрного света» – говорят, их создали для радиоэлектронной войны, и компьютеры на земле стали сходить с ума. Ваше руководство видимо решило, что мы напали на Америку и нанесли удар по России. В ответ наши атаковали натовские базы в Европе. Однако компьютерные системы пошли в разнос из-за «чёрного света», так что настоящей ядерной войны не случилось...

У Грегори дернулась щека.

– У нас считают по-другому... – Он залпом проглотил виски и продолжал: – Официальная точка зрения довольно сомнительна. Согласно ей, Россия воспользовалась новым оружием, чтобы дезорганизовать НОРАД и нанести упреждающий удар по Штатам. Но я думаю, что произошло нечто более странное. Все было более-менее спокойно, и вдруг на Америку обрушилась эта напасть – «чёрный свет». Солнечный свет мерк, люди и компьютеры выходили из строя. Система НОРАД стала выдавать сигналы, что Америка подвер-

гается атаке, и сочла инициатором Россию. Не было времени выяснять, зачем ей это понадобилось: мы могли остаться слепыми и глухими. Тогда и был нанесен удар, с целью обезоружить противника. Ракеты с боеголовками малой мощности по центрам управления, уничтожение спутников и прочее. Всё при минимальных жертвах среди гражданского населения...

Грегори прижал пальцем задержавшееся веко и умолк.

Варламов пожал плечами:

– Прямо как в вестернах, там герой сначала стреляет, а потом думает.

Грегори невесело улыбнулся:

– И у нас не исключают, что компьютеры НОРАД ошиблись. Это могло быть результатом воздействия «чёрного света» или атаки хакеров. Из дата-центра в Юта поступило предупреждение, что компьютерные сети Пентагона могли быть взломаны, но это тоже приписали русским. А на детальный анализ не было времени, слишком большие массивы информации приходилось обрабатывать...

Грегори потрогал левый висок:

– К счастью, наши системы «Иджис»² более-менее сработали. Над Америкой взорвалось всего несколько ядерных зарядов. Самым страшным оказался подводный взрыв близ Нью-Йорка, погибло около двадцати миллионов человек. В

² «Иджис» – от греч. «Aegis», щит Афины. Система противоракетной обороны США, размещаемая в основном на кораблях ВМФ

ответ вице-президент отдал приказ нанести удар возмездия по нескольким российским городам. После этого стороны то ли решили, что нанесли достаточный ущерб друг другу, то ли всех деморализовал «чёрный свет». Так или иначе, военные действия сошли на нет. Главный кошмар начался потом... Что у вас известно о «чёрном свете»?

Варламов нахмурился:

– Мало. Насколько я знаю, секрет утерян...

Он запнулся: словно тень накрыла комнату, и будто слегка похолодало.

– Нам природа этого излучения тоже неизвестна, – уныло сказал Грегори. – «Чёрный свет» походил на оружие ЭМИ, но влиял не только на электронные чипы, но и на клетки живых организмов. Компьютеры шли в разнос, а люди впадали в сильнейшую эйфорию – как от наркотика или большой дозы виски...

Грегори покосился на бутылку, но больше наливать не стал.

– Вдобавок возникали галлюцинации, как от ЛСД. Воевать в таком состоянии невозможно, так что оружие получилось замечательное... Затем наступал глубокий сон, и все проходило, казалось, без следа. Самое страшное началось потом. В живых клетках происходили злокачественные изменения, и вскоре мутации захватывали весь организм. Развивались молниеносные формы рака или черное бешенство, когда люди грызли друг друга, дерево и даже металл. В конце

всегда наступала смерть. От последствий этого излучения за несколько лет умерли миллионы американцев! И не меньше в России. На огромных пространствах возникли Тёмные зоны, где жизнь оказалась чудовищно деформирована. В Америке пытались разгадать природу «чёрного света», но безрезультатно...

На щеках Грегори появились красные пятна, он стал задыхаться и умолк.

Варламов вздохнул:

– Что толку теперь выяснять? Есть русская пословица: «После драки кулаками не машут». Наши политики не доверяли друг другу, ученые разрабатывали новые виды оружия, а теперь сидим в дерьме и разбираемся, кто начал войну и кто победил?

Губы Грегори раздвинулись в безрадостной улыбке.

– Во всяком случае, не мы. Что осталось от Америки? Полтора десятка Территорий, Тёмные зоны и мертвые города.

Варламов пожал плечами: – В России не лучше.

Он поднялся наверх и еще на лестнице перестал думать о войне: дело прошлое, ничего не исправить. Войдя в комнату, огляделся.

Тени ветвей качались по белым стенам. Над комодом висела фотография, с нее улыбалась девушка с красиво уложенными золотистыми волосами. Сердце Варламова забилось чаще: почти так же выглядела его мать, когда приехала в

Россию, она показывала свое девичье фото из бережно хранимого альбомчика... Не сразу сообразил, что на фотографии все-таки другая женщина. Из замешательства его вывел донесшийся снизу телефонный звонок, а потом окрик Грехори:

– Эй, Юджин! Это тебя.

Варламов сбежал по лестнице и взял трубку настенного телефона.

– Привет, – сказал возбужденный голос Сирина. – Ты как? Меня целый час допрашивал какой-то тип из Колумбуса. С переводчиком, сам в штатском, но чувствуется военная косточка. Все ему выложи – и про базу, и зачем сюда прилетели. Ну, про базу я наплел с три короба, все равно никто не проверит. А зачем полетели?.. Не все же ему рассказывать. Пришлось сказать, что в поисках политического убежища. Тут он прямо просветлел. А потом репортеры налетели, еще час мутузили.

Варламов рассмеялся:

– Успокойся! Эк тебя взвинтили, Миша. Как устроился?

– Ничего. – Сирин заговорил помедленнее. – У двух старых леди. Объясняемся в основном на пальцах, ну и словарь я с собой прихватил. У них масса дел по дому: надо краны чинить, канализацию, еще кое-что. Предложили комнату и кормежку за эту работу. Я согласился, надо пока осмотреться. А ты как?

– Тоже были репортеры. На каких условиях живу, пока

не знаю. Развлекаю старого джентльмена. Есть еще молодая леди, но она уехала.

— Красивая? — осведомился Сирин.

— Да нет. Лицо длинное, челюсть выдается. На меня глядит, будто хочет засунуть в какой-нибудь моющий агрегат и выстирать хорошенько.

— Ну-ну, — хихикнул Сирин. — Ладно, пойду краны чинить. Да, номер моего телефона запиши.

Возле аппарата лежал блокнот с ручкой, и Варламов записал номер.

— Мы обычно пользуемся мобильными телефонами, — сказал Грегори. — Но в каждом доме должен быть и стационарный, на случай если заблокируют мобильную связь.

Он вернулся к себе, а Варламов уныло походил по гостиной, поглазел на кухонные приспособления, видеоаппаратуру. Что он-то будет делать в Америке?.. Подошел к книжным полкам, на видном месте стояла Библия. Он взял книгу и открыл наугад.

«Бытие», глава 39, история Иосифа в Египте.

Варламов улыбнулся и поставил Библию на место. То, что случилось с ним, действительно походило на судьбу Иосифа: оба неожиданно оказались в чужой стране. Правда, Варламова не продали в рабство, и современная техника управилась с перемещением быстрее, всего за четыре часа...

Послышался звук подъехавшей машины, и настроение упало: за окном показался желтый автомобильчик Джанет.

Впрочем, ее приветственное «Хай!» прозвучало на этот раз дружелюбнее.

– Поехали, – сказала она, войдя в гостиную.

– Куда?

– Тебе предлагают работу. С погрузчиком справишься?

– Наверное, – пожал плечами Варламов. В транспортном отделе городской управы, где он работал, приходилось иметь дело с разнообразной техникой.

– Может, придется поработать и руками, – предупредила Джанет, садясь за руль. – Но в твоём положении выбирать не приходится. Как я поняла, квалификации у тебя никакой.

– Только учусь, – пробормотал Варламов.

После школы хотел поступить в университет, но отец не отпустил в Петрозаводск, заставив учиться в местном автомеханическом колледже. К занятиям Варламов относился спустя рукава.

Проехав пару перекрестков, Джанет резко затормозила.

– Зайдем в магазин, – объявила она.

Магазин оказался обувным. Варламова усадили на диванчик, и Джанет стала подбирать ему туфли: видимо, решила бороться за чистоту своей гостиной. Наконец подыскала такие, которые пришлись Варламову впору и устроили придиричивую Джанет. Поднесла к устройству на прилавке карточку.

– Будешь должен три тысячи. Пошли!

Приехав на окраину города, остановились у здания, похо-

жего на склад. Складом оно и оказалось, из ворот стал выезжать грузовик с бочками. Джанет провела Варламова на второй этаж и приоткрыла дверь.

– Мистер Торп, я его привела.

И села за стол с телефоном и компьютером. Выходит, тут и работала.

– Войдите, – донесся грустный мужской голос.

В кабинете Варламов увидел лысоватого мужчину, который вяло поднялся навстречу и столь же вяло потряс протянутую Варламовым руку.

– Юджин, если не ошибаюсь? Слышал о вас в новостях. У нас заболел работник, и Джанет порекомендовала вас. Возьму пока временно. Условия следующие...

Так началась трудовая карьера Варламова в небольшой фирме по продаже удобрений и прочей всячины окрестным фермерам. Ему подыскали комбинезон по росту, рабочие ботинки, и, познакомив с работающим на складе негром по имени Джо, оставили под его началом. Тот показал, как управлять электрическим погрузчиком, и дал время освоиться. Варламов поездил, принаравливаясь к рычагам и кнопкам. Отец приучал сыновей не бояться никакой работы. «Судьба градоначальника переменчива, – говорил он. – Кто знает, что будет завтра?»

Когда дошло до разгрузки подъехавшего трейлера, Варламов занервничал и уронил груз на бетонный пол, к счастью

ничего не рассыпав. Джо сносил оплошности белого человека терпеливо, лишь иногда снисходительно улыбался, что с непривычки даже пугало – так ослепительно блестели зубы на черном лице. Кроме них двоих на складе никого не было, и к концу дня Варламов порядком устал. Он долго мылся под душем, пытаясь избавиться от резкого запаха аммиака.

Джанет ждала в автомобиле.

– Мистер Торп как будто тобой доволен, – в голосе скользнула лишь тень одобрения. – У Саймона давно развивалась черная немочь, его наверное изолируют, так что сможешь получить постоянную работу.

И стоило лететь за океан, чтобы грузить удобрения? Но Варламов бодро ответил: – С меня причитается.

Джанет только моргнула. Остановилась, подождала зеленого света и тронулась снова.

– Кстати, чья фотография висит у меня в комнате? – спросил Варламов. – Красивая девушка.

– Моей мамы в молодости, – после молчания произнесла Джанет. – Это ее комната.

– Она... умерла?

– Живет в Пенси-Мэр, – скучно сказала Джанет. – Никак не перетяну ее сюда, не хочет оставлять могилу отца.

Варламова бросило вперед, приехали. Он взял из-под сиденья старые ботинки и вышел. Тень от дубов лежала на стенах дома.

Сегодня обед состоял из ломтиков курицы, обжаренной

с овощами и залитой острейшим соусом. Потом последовал пирог, чай, мороженое – и посуда исчезла в посудомоечной машине. На готовку у Джанет ушло минут пятнадцать, на уборку меньше пяти. Автоматизация кухонного процесса внушала уважение.

После обеда включили телевизор – «Сони», той же китайской фирмы, что дома в Кандале, только экран больше. Шли новости по CNN.

Сенатор Временного конгресса Пол Макдафи требовал приостановить действие территориальных актов о контроле над рождаемостью. Военные вертолеты нанесли удар по базе мародеров на Восточном побережье. Компания PANAM восстановила воздушное сообщение с Сиэтлом на китайских самолетах «Великий поход 919». Двое русских прилетели на военном самолете в Ил-Оу и попросили политического убежища. На обломках России процветает диктатура мелких градоначальников (Варламов сконфуженно покосился на Джанет, но та поджала губы и отвернулась). В отставку отправлен генерал Брюс Кларк. Покидая пост, он заявил, что противовоздушная оборона Северной Америки давно уже фикция...

После новостей пошла мелодрама в стиле ретро. Стало скучно, и Варламов поднялся наверх. В темноте за окнами шумели дубы, со стены улыбалась девушка с золотыми волосами. Он разделся, лег и выключил свет. Шум был ровный, словно от волн, и эти волны понесли его по бесконечной ре-

ке...

Прошло два дня. Варламову приходилось не только ездить на погрузчике, но и ворочать тяжелые мешки. Руки с непривычки болели, и к вечеру уставал так, что Грегори старался не донимать разговорами. Возясь с бочками, проклинал Сирина – притащил в эту Америку... В пятницу после работы надеялся отдохнуть, но Джанет завезла его в парикмахерскую. Пошептала с парикмахером (в Карельской автономии ими были только женщины) и исчезла в дамском зале.

Варламовым занялись основательно: вымыли голову, а потом парикмахер в очках с золотой оправой стал придавать его шевелюре новый вид. Попутно развлекал беседой: спросил о российских заведениях и, кивнув на большой дисплей-зеркало, где сменялись проекции головы клиента, пожаловался на манеру выбирать прическу через компьютер.

– Женщины понятное дело, – говорил он, щелкая ножницами. – Не успокоятся, пока не увидят на своей голове двадцать вариантов причесок. Но мужчины... Хотят выглядеть, как любимый киногерой. Не учитывают ни своеобразия черт лица, ни экспрессивной динамики...

Еще какое-то время он рассуждал, временами отступая, чтобы оценить результат, и наконец объявил, что все готово. Варламов с удивлением поглядел в зеркало: парикмахер убрал не так много волос, но выражение лица изменилось, став более уверенным и решительным.

– Здорово! – сказал он искренне. – Большое спасибо. Сколько с меня?

Услышав ответ, присвистнул, а парикмахер улыбнулся:

– Не беспокойтесь, Джанет заплатит. Отдадите ей, когда получите деньги. Заходите еще.

Варламов вышел в холл и не удержался, глянул в зеркало еще раз. Элегантный костюм, голубая рубашка под цвет глаз, аккуратно, но с оттенком вольности подстриженные светлые волосы. Не похож на лохматого парня в тренировочном костюме, каким вылез из самолета... А интересно, зачем Джанет с ним возится? Наверное, по американской привычке, чтобы во всем был порядок: на кухне, в доме, и заодно в облике свалившегося с неба гостя.

Джанет еще не появилась. Варламов сел на диван и потянул со столика журналы. Сначала открыл «Плейбой», но рассматривать на людях фото обнаженных женщин было неловко, так что взял «Тайм». От нечего делать стал читать статью о Китае.

Анализируя политику единственной оставшейся сверхдержавы, автор приходил к выводу, что следующий этап ее территориальной экспансии наступит не раньше, чем через десяток лет. Китаю требовалось наладить функционирование госаппарата на присоединенных территориях, добиться полного принятия их населением идеологии «Чжун»³, а

³ «Чжун» – преданность. Категория конфуцианской философии, означающая цивилизованное отношение к вышестоящим: правителям, императорам, хозяе-

главное, увеличить как численность китайцев, так и влияние прокитайского лобби в потенциальных протекторатах.

Большинству североамериканских Территорий опасность пока не грозила: они были важны для Китая как поставщики высоких технологий и рынок сбыта, второй по величине в Западном полушарии. Раздробленность и экономическая зависимость от Китая не позволяли им стать преградой для китайской экспансии.

Главная угроза, как считал автор, нависла над Канадой. Мало пострадавшая от войны, экономически первая на Американском континенте, Канада оставалась единственным противовесом Китаю в этой части света. Именно торговля с Канадой давала северным Территориям США определенную независимость от Китая. Опасным для Канады было то, что ее промышленность и сельское хозяйство располагались в узкой полосе вдоль границы США. В случае вооруженного конфликта нескольких ядерных ударов хватало, чтобы отбросить страну на уровень самых пострадавших американских Территорий. Поводом для показательной бомбардировки могла стать, например, депортация нелегально проникших в Канаду китайцев.

После этого Великому Китаю не составляло труда установить контроль над оставшимися Территориями США – как он уже сделал с Калифорнией и проделывал сейчас с Оре-Ваш, бывшими штатами Орегон и Вашингтон...

Дочитать Варламов не успел, появилась Джанет. Волосы рыжими кудрями спадали на плечи. Она удивленно глянула на Варламова и ненадолго скрылась в мужском зале.

– Твоя прическа стоит, почти как моя, – сказала она с улыбкой. – Ничего, с получки расплатишься.

После парикмахерской от Джанет исходил тонкий и почему-то тревожный аромат. Фонари горели вдоль сумеречных улиц, и окна дома засветились навстречу из-за темных деревьев.

Субботнее утро выдалось ясным. Редкая желтизна появилась в кронах дубов, и трава на лужайке оставалась зеленой, но глубокая синева неба говорила, что и сюда скоро придет осень. Варламов встал поздно и, приняв душ, стоял перед окном.

Странно, как быстро его жизнь в Америке вошла в колею. Нигде не был, но казалось, будто прожил здесь месяцы, а не дни. Неужели еще недавно слушал шум дождя за окном в Кандале и гадал: поедут они на рыбалку или опять придется слоняться без дела?.. Варламов улыбнулся, смена обстановки начинала ему нравиться. Он сошел по лестнице, поздоровался с читавшим газету Грегори и положил себе овсянки.

Грегори зашуршал газетой:

– Ваш самолет перевезли на базу ВВС под Колумбусом. В сопровождении твоего напарника. Правительство конфисковало самолет как угрозу национальной безопасности, а вам

обоим губернатор предоставил политическое убежище. Так что теперь вы здесь на законных основаниях.

Хм, политическое убежище! Вот уж о чем не думал... Жаль, что сегодня не увидится с Сириным. Собирались посидеть в баре, обменяться впечатлениями от Америки.

– Забавно, – сказал он, хлебнув кофе. – Никогда не думал о политическом убежище. По-моему, Сирин тоже. Просто забрались в самолет и полетели. А интересно, если бы и раньше так было: свободно ездили друг к другу, не было взаимного недоверия, военных планов?.. Правда, мать говорила, что одно время у Америки и России были неплохие отношения. Как иначе она смогла бы приехать в Россию?

– Было такое время. – Грегори отложил газету. – Но длилось недолго. Не читал такие стихи?

И он медленно произнес:

«Alas! they had been friends in youth;
But whispering tongues can poison truth;
And constancy lives in realms above...»

«Увы, в юности они были друзьями, – перевел про себя Варламов. – Но слухи могут отравить истину, и постоянство живет только на небе».

Он покачал головой, а Грегори вздохнул:

– Это из довольно загадочной поэмы английского поэта Кольриджа, «Кристабель».

Он помолчал.

– Так вот, Юджин, в политике не бывает дружбы, только интересы. Да, некоторое время мы пытались сотрудничать с Россией, она была полезна, как возможный противовес Китаю. Но потом у вас случилось то, что называют русским реваншизмом: присоединение территорий, попытки расширить сферу влияния, опередить Запад в области вооружений... Так что Россия оказалась выгоднее для Америки в качестве врага, или, скорее, пугала.

Грегори невесело оглядел Варламова, потом продолжал:

– Естественно, мы не собирались воевать с русскими. В случае победы у нас просто не хватало сил контролировать столь обширную территорию, и ресурсы России достались бы Китаю, а это стало бы кошмаром для Америки. Но Америка охотно втянулась в гонку вооружений, и наши компании заработали сотни миллиардов долларов на системах противоракетной обороны, обновлении флота и прочем. Конечно, за счет налогоплательщиков и европейцев, но таков военный бизнес...

Грегори стал задыхаться от длинной речи и умолк.

– Видел я Европу, – фыркнул Варламов. – То, что от нее осталось после противоракетной обороны.

Наверху хлопнула дверь, и они подняли головы. По лестнице сходила Джанет в красивом зеленом платье.

– Пока, мальчики, – кивнула она. – До вечера. Кстати, Юджин, сегодня мы едем на вечеринку. Приготовь русские ис-

тории позабавнее.

Она вышла, и вскоре послышался легкий шум отъехавшего автомобиля.

– Поехала к подруге, – затрудненно улыбнулся Грегори. – Скучно ей со мной, старым пнем. Что собираешься делать завтра, Юджин? Мы с утра едем в церковь. Если хочешь, поезжай с нами. А сегодня весь день в твоём распоряжении.

– Покажите мне, как работаете на компьютере, – попросил Варламов. – У вас, наверное, другая операционная система?

– «Windows». – Грегори поднялся и взял палку. – А у вас?

– Разные версии «Линукс». «Windows» не используют после войны, тогда все компьютеры с нею перестали работать.

Грегори вздохнул:

– Какие компьютеры раньше делали в Америке! А теперь все азиатской сборки. Хорошо еще, уцелела фабрика по производству процессоров в Техасе. Иначе китайцы совсем сели бы на шею.

«Windows» оказалась услужливой, и общаться с нею было нетрудно. Грегори не пришлось ничего объяснять, включил обучающую программу и сел просматривать журналы. Освоившись, Варламов обнаружил выход в Интернет. В Кандале его не было, только собирались тянуть оптический кабель через Белое море, но на уроках информатики проходили. Появилось предупреждение, что без разрешения нельзя выходить за пределы североамериканской зоны – значит, российские сайты недоступны. Однако это не особо расстро-

ило, а вскоре отыскал красивую игру. Действие протекало на разбросанном по морю архипелаге, где по берегам стояли живописные города: утром они прятались в тумане, днем сияли под золотистым солнцем, а ночью таинственно мерцали при свете звезд.

У одного из правителей была красавица дочь, которой домогался властитель мрачного скалистого острова. Он захватил контроль над русским спутником с «чёрным светом» и грозил уничтожить все живое на главном острове, если не получит девушку. Варламову предстояло эвакуировать население острова, отыскать похищенную красавицу – все при яростном противодействии темного властелина, – а напоследок сразиться с ним самим.

Грегори куда-то вышел. Под аккомпанемент тревожной музыки и свиста ветра Варламов управлял шхуной, которая едва сохраняла остойчивость под яростными порывами из черной расселины. Вдруг случилось странное. И шхуна, и волны замерли. Свист ветра стих. Черная расселина обратилась в сумрачный зал, где сам Темный властелин сидел на троне. Испуганный Варламов попытался выйти из игры, но сенсорная панель не действовала.

Словно опустился занавес – все исчезло.

Лицо Варламова безжизненно, как у куклы, в остеклевших глазах перемигиваются огоньки. Руки сначала неподвижны, но вдруг приходят в движение: на экране возника-

ют вопросы, и пальцы начинают бегать в ответ по клавиатуре. Их проворство удивительно – кажется, будто отвечает робот... Через пять минут экран обретает прежний вид: снова плещут волны, свистит ветер, хлопает парусами неуправляемая шхуна. Глаза Варламова оживают, в них испуг, пальцы застыли на клавиатуре.

Очень далеко человек в странном одеянии (цвет сливается с сумраком помещения) выключает компьютер и самодовольно улыбается – теперь он знает все. И никто не скажет ему, что даже Владыки не знают всего в этом странном мире. С картины на стене надменно глядит мужчина в черном одеянии, к золотому поясу пристегнут меч...

Вошел Грегори и остановился за спиной Варламова.

– Забавно, – снисходительно сказал он. – Джанет тоже любит эту игру. Только выбирает другую роль, где девушка спасает возлюбленного.

Варламов не ответил. Было странное чувство, будто отлучился на время, побывал во тьме, от которой не осталось воспоминаний. Играть расхотелось, и он вернулся к себе. Там лег на кровать и стал смотреть в окно: из-за ветвей выплывали облака – они были сумрачнее, чем в их первый день в Америке... Наверное заснул, так как почти сразу услышал резкий голос Джанет:

– Юджин, вставай! Или ты собираешься проспать весь день?

Она стояла в дверях, раскрасневшаяся и почти красивая в нарядном зеленом платье. Варламов спустил ноги с кровати и поглядел в окно: уже темнело. Джанет принесла ему новую рубашку, красноватых тонов. «Чтобы лучше гармонировал с ее платьем», – кисло подумал Варламов.

Вечеринка проходила не в доме, как он привык, а на открытом воздухе, при свете фонарей. Пришлось познакомиться с таким количеством людей, что голова пошла кругом. Наверное, сказала и выпивка: было интересно попробовать новые напитки, так что Джанет стала коситься на Варламова с опаской. Сначала его смущало, что все называли только имена – без отчеств. Но после второй бутылки пива и он стал запросто обращаться к незнакомым ранее людям по имени. Плотно сбитый, с проседью в черной бороде Болдуин сунул Варламову открытую бутылку пива.

– Что это вы стали воевать с нами? – спросил он.

– Я? – удивился Варламов. – Да меня тогда на свете не было.

С досады он выпил сразу полбутылки.

– Ну, русские, – не отступал Болдуин. – Что мы вам сделали? Одно время вроде дружили.

– Да, мама рассказывала, – грустно сказал Варламов. – Но войну не мы начали, это у вас компьютеры свихнулись.

От расстройства он прикончил пиво.

– Ну-ну, – буркнул Болдуин. Тоже отхлебнул пива и уже миролюбивее спросил: – А медведи у вас и вправду водятся?

– Хватает. – Варламов был рад сменить тему и не удержался от хвастовства: – Я одного завалил.

– Да ну? – заинтересовался Болдуин. – Я сам охотник, но на медведя не ходил, только на оленей. Из винтовки?

– Нет, жаканом из двустволки. – Варламова передернуло. вспомнилось, как огромный медведь кинулся на него с края болота. Тогда он здорово перетрусил, но к счастью ружье было наготове.

Темноволосая, в облегающем серебряном платье Памела предложила Варламову выпить шампанского и заодно поинтересовалась: насколько в России распространено многоженство?

– Гм... – Варламов был озадачен и чуть не захлебнулся шампанским, которое пробовал дома только на Новый год. – Кажется, бывает в исламских автономиях... – Он вспомнил виденную на днях телепередачу и злорадно добавил: – У вас мормоны тоже ввели многоженство на Территории Юта, ссылаясь при этом на Библию.

Появился худощавый Брайан с двумя бутылками пива и стандартным вопросом: кто начал ту дурацкую войну? Пива для ответа на столь сложный вопрос не хватило, и Брайан пошел взять еще. Вернулся с двумя стаканчиками виски и заявлением, что в войне виновата инфантильность русской души: в своих бедах русские привыкли винить Запад, а поскольку у них развито подсознательное влечение к смерти, то предпочли погибнуть, прихватив с собой западную цивили-

лизацию.

– Что за влечение к смерти? – удивился Варламов.

– Про него ваш знаменитый романист писал, как его?.. – Брайан поболтал остатком виски. – Ага, Достоевский! У него все герои кончают с собой: кто вешается, кто стреляется. Я сам не читал, но один профессор по телевизору рассказывал, тоже из бывших русских.

– Вешают вам лапшу на уши... – пробормотал Варламов, отчаянно пытаясь вспомнить школьные уроки литературы. – Это в романе «Бесы»», там герой действительно кончает с собой, но по другой причине: потерял идеалы, жить незачем стало.

Тут его кольнуло: неужели и он станет бывшим русским? Брайан допил виски и ухмыльнулся:

– Ладно, забудь про книжки, Юджин. Развлекайся.

Он затерялся, а вместо него Филлис, хрупкая женщина с каштановыми волосами, предложила другое объяснение войне – проявление мужского шовинизма, и стала расспрашивать Варламова о женском движении в Карельской автономии. Варламов ответил, что о таком не слышал, к чему Филлис отнеслась недоверчиво, но ее дружески оттеснил Болдуин. О войне больше не вспоминали, и за очередным пивом сговорились поехать в следующий уик-энд охотиться на оленей, сезон как раз открылся.

Тут опять возникла Памела... Варламов поморгал – пожалуй, пить хватит. Черные волосы женщины стояли дыбом,

глаза зеленовато светились, а платье сделалось почти прозрачным – выглядела как ведьма. Он смущенно отвел глаза, а она стала расспрашивать о половом воспитании в русских школах и первом сексуальном опыте самого Варламова. Он растерялся, но к счастью Джанет оказалась рядом – взяла под руку и увлекла за собой. Вид у нее был недовольный.

Гости танцевали, многие тоже странно изменились. Варламов еле узнал Болдуина в облике лесовика и подобии звериной шкуры. Джанет мельком глянула на него.

– Многие надевают на вечеринки метаморфные костюмы, – сказала она. – Позволяют изменить облик, превратиться в фантастических персонажей. Но я этого не люблю. – И укоризненно добавила: – Ты много пьешь, Юджин.

Варламов хотел убедить ее в обратном, но английские слова почему-то не выговаривались. Некоторое время танцевали молча. В глазах девушки тлели сердитые зеленые огоньки, она держалась в стороне, и только ладони лежали на плечах Варламова. Когда первые гости начали уходить, Джанет подвела Варламова к хозяевам – ими оказались Брайан с Памелой – и поблагодарила за вечер.

– Куда же вы? – удивился Брайан, начавший смахивать на сатира. – Веселье только начинается.

– Нам пора, – повторила Джанет. – Спасибо.

– Присоединяюсь, – сумел сказать и Варламов.

Джанет увлекла его к машине. Фонари перемигивались над головой, и всем встречным Варламов говорил, как при-

ятно было с ними познакомиться. Под конец Джанет фыркнула:

– Это куст, Юджин. Если не будешь за меня держаться, точно с ним близко познакомишься. Значит, это правда, что русские много пьют.

Варламов хотел сказать, что почти не пьет, но вдруг обнаружил себя сидящим на лестнице в гостиной Джанет. Та, стоя на коленях, снимала с него грязные туфли. Хотя перед глазами все плыло, он ухитрился сказать:

– Я сам.

– Конечно! – Джанет подняла голову, и глаза зеленовато сверкнули, совсем как у Памелы. – Мало того, что приходится помогать дяде, так еще пьяные русские сваливаются на голову. Спокойной ночи!

И ушла, сердито стуча каблучками.

Варламов с трудом поднялся наверх. Ночь была как провал между мирами – бесконечное падение и бесконечная тошнота. Только к утру повеяло покоем, словно мама коснулась лба прохладной ладонью, и он поспал. Злясь на себя, долго стоял под холодным душем, а затем спустился вниз. Джанет испытующе поглядела на него.

Зазвонил телефон. Грегори взял трубку и кивнул Варламову: – Тебя.

Это оказался Сирин, только что вернулся из Колумбуса.

– Так себе городишко. Настроение поганое, потом расскажу. А у тебя что нового?

– Да вот, перебрал на вечеринке, – грустно сказал Варламов и покосился на хозяев: хорошо, что не понимают по-русски. – Джанет пришлось с меня туфли стаскивать.

– Хорошо, не все остальное! – хохотнул Сирина. – Ты что пил?

– Сначала пиво, – стал вспоминать Варламов. – Потом виски, за ним шампанское. Еще пиво...

– Достаточно, – перебил Сирина, – намешал. После виски нечего было пиво жрать. Хотя, если пить все подряд, очередность без разницы... Ладно, потом созвонимся.

Варламов положил трубку и сел за стол.

– Извините за вчерашнее, – грустно сказал он. – Не надо было мне виски с пивом мешать.

Джанет со стуком поставила перед ним овсянку. Грегори бодро сказал:

– Не расстраивайся, Юджин. Брайан славится тем, что любит гостей подпоить. А виски вещь хорошая, но только если настоящее. Теперь ведь нет шотландского виски, как и самой Шотландии. У нас его делают не из ячменя, как положено, а из ржи и кукурузы. Большинство считает его лучше шотландского, но я не уверен. Получается другой вкус – злее. Правда, ваша водка ему не уступает.

– Начали сравнивать, – Джанет немного оттаяла. – Ешьте, пора в церковь. – Она с сомнением поглядела на Варламова: – Ты едешь?

– Конечно, – ответил тот, с жадностью допивая апельсин-

новый сок. В Кандале было принято посещать церковь, отец на этом настаивал.

День был почти летний, и город смотрелся весело: дома среди зеленых деревьев, разноцветные автомобили. Церковь оказалась простым белым зданием без золоченого иконостаса внутри. Понравилось, что во время службы можно было сидеть. Он сел на стул и начал было дремать, но тут заиграла музыка, и все запели. Варламов вздрогнул и, заглянув в открытую Джанет книгу, понял, что поют псалмы.

Затем выступил с проповедью священник. Он говорил о бедах, обрушившихся на Америку, как о наказании свыше и призывал вернуться к жизни по заповедям Христа. Варламов сдерживал зевоту: то же он слышал от матери, да и в церкви Кандалы тоже, хотя там священник говорил несколько иначе – о божьей каре за низкопоклонство перед Западом, и отступление от истинного православия... Наконец служба закончилась, и они вышли из церкви.

– Тебе понравилось? – спросила Джанет, когда попрощалась с многочисленными знакомыми. – Я как-то не подумала, что ты христианин. Только потом вспомнила про твою мать.

– Гм, – сказал Варламов. Мать часто читала ему английскую Библию, рассказывала о Христе, и Варламов с уважением относился к ее вере, но выйдя за порог дома, погружался в обычную мальчишескую жизнь – игры, драки, вылазки в лес, – и о христианстве не вспоминал. Однако разубеждать

Джанет не хотелось.

– Я верю в Христа, – дипломатично сказал он. – В Кандале тоже ходил в церковь, только православную. – Вспомнил об удобных стульях и искренне добавил: – Но у вас мне понравилось больше.

Он показал на здание в стороне: – А это что?

Здание имело странный цвет – темно-глянцевый, словно ствол ружья, да и видом напоминало три составленных вместе ружейных ствола. Их увенчивали три острия, центральное выше других – эти шпили напомнили антенны на самом высоком здании мертвого Чикаго. Не отвечая, Джанет села за руль, а вместо племянницы заговорил Грегори:

– Церковь Трехликого. Есть такая новая секта....

Джанет фыркнула:

– Дядя, это просто сатанинская церковь! – И тронула машину.

– Не знаю, Джан, – Грегори покачал головой. – Это верно, там поклоняются Люциферу, но кроме него Лилит и Темной Воинственности... Лилит – это что-то из иудейской мифологии, а культ Темной Воинственности заимствован у китайцев. Эти божества якобы являются поклонникам через Интернет и цифровое телевидение...

Грегори помолчал.

– В Америке давно стали отходить от христианства, а после войны тем более. Большинство верило, что Бог любит Америку и с ней ничего не случится. А когда стряслась беда,

обвинили его в предательстве и стали искать других богов.

– И много верующих в этого... Трехликого? – поинтересовался Варламов.

Грегори пожал плечами:

– В основном поклоняются дома – перед 3D дисплеями, а церковь посещают по ночам. Но многие тайно носят значки с изображениями Трех ликов. Да и церковь поставили открыто, чуть не рядом с христианской. А у вас есть поклонники этого культа?

– Не слышал, – пожал плечами Варламов. – Вряд ли православная церковь такое позволит.

Остаток пути проехали молча. Дома Джанет подавала праздничный обед, и под конец нечто необыкновенное: малиновое желе, покрытое белоснежным кремом с ягодами черники и земляники. Потрясенный Варламов сказал, что ничего вкуснее в жизни не ел. Джанет порозовела от удовольствия.

Во вторник позвонил Сирин с предложением сходить в бар, и по дороге с работы Варламов попросил Джанет остановиться. Увидев вывеску бара, та негодуяще фыркнула:

– Ты опять не напьешься? Видела бы твоя мама, каким был после вечеринки!

Варламову стало неловко:

– Я не собираюсь пить. Хочу только повидаться с Майклом.

Хлопнув дверцей, Джанет уехала. Сирин уже сидел в баре

за батареей бутылок. Варламов оглядел помещение: длинная стойка, люди на высоких табуретах, игра в мяч на большом телеэкране – непривычная обстановка после скромных пивных Кандалы.

Сирин выглядел неважно: мешки под глазами, волосы вокруг лысины непричёсанные.

– Выпей, – подвинул он бутылку пива.

У Варламова горечь подступила к горлу. – Нет уж, – сказал он и сходил за кока-колой.

– Ишь ты, – удивился Сирин. – Скоро совсем американцем станешь, одну кока-колу хлестать будешь.

– Они тоже бухают, – поморщился Варламов. – Просто после вечеринки до того плохо было... А ты как? Выглядишь неважно.

– Я?.. Тошно мне, Евгений. – Сирин опустошил бутылку, ожесточенно двигая кадыком, со стуком поставил ее и потянулся за другой. – Как стали меня в Колумбусе нахваливать, что ловко обошел их противовоздушную оборону, едва не стошнило! Хоть волком вой. И зачем я это сделал? Там плохо было, а здесь еще хуже. Верно говорят, от себя не убежишь.

Варламов смешался.

– Не переживай, – пробормотал он. – Зато о России напомнили.

– Напомнили, это верно, – в глазах Сирина ненадолго появился блеск. – Забегали они тут. Но мне перед своими стыдно. Ребята небось думают, что я самолет за деньги угнал, ки-

тайцам.

Сирин припал к бутылке и не отрывался, пока не выпил до дна. Вид у него уже был осовелый.

– А тут деньги предлагали? – неловко спросил Варламов.

– Ага, – Сирин захрустел чипсами. – Но я отказался. Попросил только, чтобы разрешили жить в Америке. И то больше из-за тебя, хреново чувствую, что сюда приволок. Но ты приживешься. Язык знаешь, тебя приодели, подстригли! Еще женишься на дочке миллионера. Меня тогда не забудь, швейцаром возьми.

– Ну тебя, – пробормотал Варламов. – Разве что напарником на склад удобрений. Ты чем сейчас занят?

– Мелкий ремонт. – Сирин взялся за очередную бутылку. – За каждым словом приходится лезть в словарь, но инструмент и материалы здесь хорошие. Скоро фирму открою, назову «Русский привет».

– Все шутишь? – Варламов допил кока-колу и огляделся. Народу стало больше, разговоры оживленнее, на них бросали взгляды: вряд ли часто слышали русскую речь.

Сирин отставил пустую бутылку, а две оставшихся рассовал по карманам.

– Хоть пива попью, – сказал с отвращением. – Пошли. Мне тут не по себе, ни хрена не понимаю.

На улице свистом подозвал такси.

– Ну, ты деньгами и кидаешься, – покачал головой Варламов.

– А куда копить, Евгений? – Сирин откинулся на спинку сиденья. – И впрямь американцем становишься, они каждый доллар считают. Показывай, куда тебя везти.

Он махнул рукой, отказываясь от сдачи, скovyрнул пробку о перила веранды и выпил пиво до дна. Воздух приятно охлаждал разгоряченное лицо, окна были темны: наверное, пожилые леди отправились в гости. Взялся за ручку двери, стараясь не моргнуть от упавшего на лицо света – женщины боялись грабителей и поставили замок со сканированием сетчатки. Усмехнулся: верят американцы во всякие электронные штучки.

Дверь бесшумно открылась.

Он пересек полутемную гостиную, поднялся в свою комнату и в дверях достал последнюю бутылку – надо было взять еще пару! Нашарил выключатель...

Свет не зажегся.

Он оглядел комнату, и по спине протек холодок: над столом маячили три белых пятна. Три лица!

Он не повернулся и не побежал – бесполезно. Вместо этого скovyрнул пробку зубами и сделал глоток, не почувствовав вкуса.

– За ваше здоровье, – сказал он. – Хотя приличные гости без приглашения не входят.

– Не паясничай, – прозвучал холодный голос со странным скользящим акцентом. – Ты знаешь, зачем мы здесь.

– Без понятия, – солгал он, снова делая глоток и снова не ощущая вкуса.

Жаль – пиво хорошее, и никакого удовольствия. Глаза адаптировались к полутьме, и лица стали видны отчетливее – белые и одинаковые. Он попытался рассмотреть, что под ними, но те словно плавали в воздухе. Впрочем, он знал, что не увидит ни одежды, ни оружия в руках, ни самих рук.

Лицо посередине искривилось в усмешке:

– Это плохо. Тогда ты умрешь.

Он облизнулся, от горечи пива вдруг затошнило.

– Послушайте, я и вправду ничего не знаю. Зачем меня убивать?

– Неужели ты думал, что скроешься от нас в этой паршивой Америке? – словно змеиное шипение донеслось от лица, что слева.

– Ничего я не думал. – Он отхлебнул вновь и наконец-то почувствовал вкус, но это был горький вкус бессильной ярости. – Я не крыса, чтобы от вас бегать.

– Остаток жизни можешь побыть котом, – ухмылка появилась на лице справа. – Понезиться в собственной вилле на берегу моря. Трех юных тайландок для услуг тебе хватит? Они будут хорошо обучены.

Усмехнулись и двое других. Ухмылки плавали в темноте, словно три Чеширских кота собрались в комнате.

– Ты знаешь цену, – словно пиявка проползла по лицу посередине. – Мы даем тебе время подумать. Если не скажешь,

умрешь и ты, и твой спутник.

– Он тут ни при чем, – хриплый голос прозвучал, словно со стороны.

– Неважно. Это заставит тебя лучше все взвесить. А пока до свидания.

Он не почувствовал ничего, но вдруг оказался лежащим на полу и недопитое пиво текло по руке. Потом опустилась тьма...

В пятницу был короткий рабочий день, и Варламов впервые получил зарплату, но не наличными, как в России, а чеком. За восемь дней заработал сорок тысяч долларов, из них три тысячи ушло на федеральный налог, и еще пять составил налог Территории Ил-Оу.

Джанет отвезла Варламова в банк, где миловидная девушка выдала пластиковую карточку. Джанет воспользовалась случаем и перевела на себя долг Варламова за туфли и парикмахерскую. В машине она сказала:

– Теперь у тебя появились деньги, можешь съехать от нас. Снять квартиру или комнату.

– Наверное, Грегори будет скучно, – растерянно сказал Варламов. – Мы даже не поговорили, как следует.

– Ему не привыкать, – пожала плечами Джанет. – И так целые дни проводит один.

– А я к этому не привык. – Вспомнился переполненный дом в Кандале, и Варламову стало неловко: почему считает

Джанет прижимистой? Наверное, все хозяйство на ней.

Он вдруг спросил:

– А можно, я буду снимать комнату у вас? Сколько это будет стоить?

Джанет на миг отвлеклась от дороги, в глазах мелькнула растерянность.

– Сорок тысяч, – немного погодя сказала она. – Со столом. В месяц.

Возле дома стоял небольшой фургон, с веранды помахал бородатый мужчина.

– Да это же Болдуин! – вырвалось у Варламова. – Я и забыл, что мы едем на охоту.

Он обрадовался, наконец-то отдохнет от сложностей американской жизни. Джанет поджала губы, а Варламов спросил:

– У Грегори не найдется старых джинсов и куртки? А то у меня кроме тренировочного костюма ничего нет.

Джанет нехотя пошла в дом, а Болдуин крепко стиснул руку Варламова.

– Обедать не будем! – заявил он. – До Аппалачей ехать пять часов, перекусим по дороге, я захватил провизию. И оружие для тебя припас, потренируешься. Палатка, спальники – все есть. Переодевайся и в путь.

Джанет отыскала Варламову старые джинсы и куртку. Он сунул в рюкзак тренировочный костюм, обул старые ботинки, наскоро попрощался с Грегори и сел в кабину. Они по-

ехали.

Обедали вдвоем, скучно как раньше.

– Юджин спрашивал, не сдадим ли ему комнату, – вспомнила она. – Не прочь поболтать с тобой. Я запросила сорок тысяч в месяц, с готовкой.

– Не много? – покачал головой дядя. – Хотя поступай, как знаешь. А мне любопытно поговорить с ним, странная это история.

Она поднялась наверх и села в кресло-качалку возле окна. Багрянец лег на листву дубов, и опять угольками зарделись цветы внизу. Когда мерцание из окон первого этажа погасло, переоделась в ночную рубашку и легла в постель.

По привычке перебрала в памяти события дня. Вспомнила, как глядела на русского Сильвия в банке – чересчур кокетливо. Он стал лучше выглядеть, вот что значит прическа. В парикмахерской смотрелся даже элегантно: пробор в волосах, журнал «Тайм» в руках. Это надо же, не «Плейбой», а «Тайм»! Уже не тот растерянный парень в мятых штанах, каким увидела на ступенях мэрии.

Постепенно она задремала. И увидела сон – первый из странных снов...

Она идет босиком по снегу, но тот удивительно теплый – ласково касается ступней. Над головой голубое небо, в нем красивое золотое солнце. Впереди появляется темная полоса и превращается в реку. На другом берегу стоит женщина, ли-

ца не разглядеть за серебристым мерцанием. В руке желтая роза – легкий взмах, и роза падает на снег перед Джанет...

Все меняется.

Она снова на снежной равнине, но теперь та похожа на замерзшее озеро Онтарио, куда ездила к двоюродной сестре. Не видно берегов, дует ледяной ветер, гонит струи поземки. Джанет замечает пятнышко впереди, вот оно ближе – это та самая желтая роза. Но лепестки пожухли, замерзли, ветер уносит цветок вместе с поземкой.

И она как-то понимает – это ее, Джанет, жизнь замерзает в снежной пустыне. Она поворачивается и бредет вслед за розой – раня ноги об лед, оставляя кровавые пятна, – а та все дальше и дальше среди несущегося мелькающего снега...

4. Уолд

Сначала ехали на юг, а обогнув Индианаполис, повернули на восток. За окнами бежали поля, перелески, фермы. Стрелка спидометра колебалась у отметки «100», и опять вспомнилось, что это не километры, а мили.

– К вечеру надо добраться до предгорий, – объяснил спешку Болдуин. – Чтобы завтра начать охотиться.

Дорога была хорошей: ухоженная разделительная полоса, то и дело попадались встречные легковушки и трейлеры.

– Это 70-е шоссе, торговый путь на Бостон. – Болдуин небрежно держал руль. – Я часто езжу туда за товаром. Главный порт Восточного побережья после того, как Нью-Йорк

накрылся.

– Что возите? – полюбопытствовал Варламов. Он чувствовал себя удобно в большой машине Болдуина: можно было откинуться на спинку сиденья, вытянуть ноги.

– Компьютеры и прочую электронику, бытовую технику, – перечислил Болдуин. – Акустику для Грегори я монтировал. Разборчивый клиент, акустику заказал из Канады, подороже китайской.

– Вы и в Канаду ездите?

– Реже, чем в Бостон. Страна от войны почти не пострадала, канадцы делают хорошую аппаратуру, но дорогую.

– Американской техникой не торгуете? – поинтересовался Варламов.

– Почти нет. – Болдуин пожал плечами. – После того, как китайцы проглотили Японию и Юго-Восточную Азию, мы им не конкуренты. Наша беда – Тёмные зоны. В Америке остались хорошие производства, но они разбросаны. Раньше проблем не было, комплектующие для сборки доставляли трейлеры через всю Америку. А теперь и дурак не сунется в Тёмные зоны...

Болдуин явно хотел сплунуть, но пришлось сдержаться.

– И это все вы натворили!

Варламов улыбнулся, благодушие не оставляло его:

– Я же говорил, что тогда на свет не родился. Мама рассказывала, что перед войной мир словно сошел с ума. Такое впечатление, что все хотели воевать. В Америке уйма филь-

мов и игр была про войну...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.